

Шри Сатья Саи Баба

Артур Осборн

УДИВИТЕЛЬНЫЙ ШИРДИ САИ БАБА

Arthur Osborne

THE INCREDIBLE SAI BABA

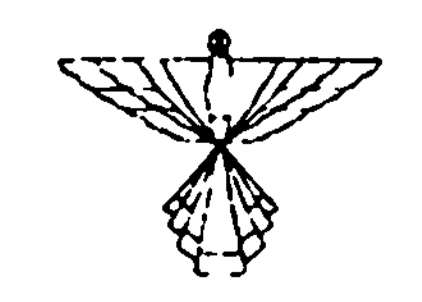
The life and miracles of a modern-day saint



Артур Осборн

УДИВИТЕЛЬНЫЙ ШИРДИ САИ БАБА

Жизнь и чудеса святого



Москва
Амрита-Русь
2005

УДК [233+28](092)
ББК 86.33+86.38
О-72

Осборн Артур
О-72 УДИВИТЕЛЬНЫЙ ШИРДИ САИ БАБА.
Жизнь и чудеса святого. – М.: Амрита-Русь, 2005. – 160 с. (Серия: «С любовью к миру»)

ISBN 5-94355-221-9 (в пер.)

Эта книга посвящена великому духовному Учителю Ширди Саи Бабе, предыдущему воплощению Шри Сатья Саи Бабы. Вы познакомитесь с его жизнью и учением, а также узнаете о забавных историях и чудесах.

УДК [233+28] (092)
ББК 86.33+86.38

Книга напечатана с разрешения
Orient Longman Private Limited

ISBN 5-94355-221-9

ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ

Вскоре после смерти Саи Бабы Свами Б. В. Нарасимхасвами составил сборник его изречений и забытых историй о нем, который озаглавил «Изречения и наставления Шри Саи Бабы». Он также собрал описания опыта пребывания с Бабой значительного числа его последователей и опубликовал в трех томах под названием «Опыт последователей Саи Бабы». Обе эти книги были изданы без сохранения прав на издание Всеиндийским Саи Самаджем в Мадрасе, где Свами Нарасимхасвами был президентом. Я сообщил Свами перед его смертью о своем намерении написать о жизни Саи Бабы, и он позволил мне в полном объеме пользоваться всеми публикациями Самаджа. Я хотел бы выразить глубочайшую признательность за возможность в полной мере использовать все эти источники во время работы над книгой.

Артур Осборн

ПРЕДИСЛОВИЕ

Совершенно верно, как замечает и автор книги, то, что хотя Шри Саи Баба широко известен повсюду в Индии, но о нем ничего не знают за ее пределами, особенно в западных странах. Автор желает представить его западному миру. С этой похвальной целью он взялся за написание этой книги, содержащей краткое описание жизни Шри Саи Бабы, его учения, чудес и забавные истории о нем. Несмотря на то, что жизнь Шри Саи Бабы, как она изложена в книге на основании рассказов его последователей, кажется странной и эксцентричной, никто из тех, кто знал его или был его последователем, не может отрицать то, что он был (и я могу сказать, и есть) святым самого высокого ранга.

Я имел честь посетить местечко Ширди около четырех лет тому назад и получить *даршан* (лицезреть) *самадхи* Бабы. Я обнаружил, что атмосфера *Мандира*, где находится *самадхи*, наполнена вибрациями глубокого духовного покоя и радости.

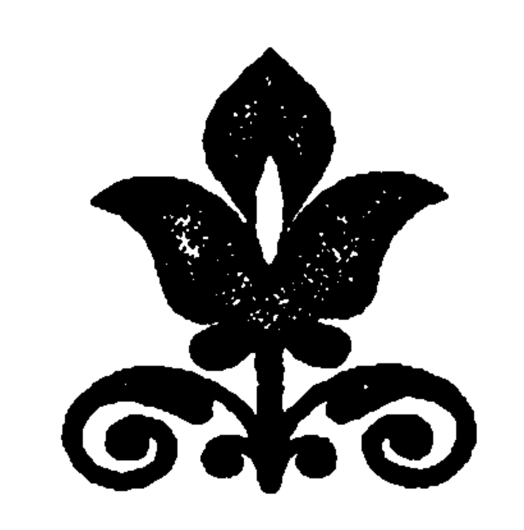
Кажется, что Саи Баба все еще живет в этом месте. Другим замечательным явлением, представшим моим глазам, был постоянный поток последователей к храму для даршана *самадхи* Бабы в течение всего дня. Во время своих путешествий по разным частям Индии я посещал дома последователей Бабы и везде видел украшающие стены портреты Саи Бабы. Его популярность настолько велика и значительна, что в Индии его имя практически стало обиходным для высоко почитающих его людей. Саи Баба являет собой мощнейшую духовную силу, формирующую и преобразующую жизни духовных последователей, жаждущих его руководства и благословения и по сей день.

Автор книги Артур Осборн оказал неоценимую услугу искателям истины на Западе, представив эту книгу миру. В духе любви и преданности Саи Бабе он рассказал о самых важных событиях его жизни (особенно выделяющихся на общем фоне), которые взывают к сердцу читателя и свидетельствуют о величии и славе Саи Бабы. Кажется, что божественная личность Саи Бабы настолько покорила сердце автора, который пишет он нем в самой непосредственной манере, приводя детали его жизни и чудес, отобранные из разных источников, что это не может

не породить в сердце читателя ответную волну восхищения и глубокого почтения к этому великому духовному учителю.

Я искренне желал бы, чтобы эта книга попала в руки каждого, кто идет по духовному пути, – неважно, верит он в рассматриваемый феномен или нет, – с тем чтобы он имел возможность узнать о том, как Бог проявляет Себя, являясь нам в форме таких уникальных и вдохновенных святых, как Саи Баба. Наставления Саи Бабы оригинальны по своей форме и силе. На меня произвела особое впечатление последняя из приведенных в этой книге цитат из высказываний Бабы, ею я хочу завершить это краткое предисловие: «Я даю людям то, что они хотят, в надежде, что они пожелают то, что Я хочу им дать».

Рамдас
Анандашрам, Канхангад
25 апреля 1957 г.



Глава 1

КТО ТАКОЙ САИ БАБА

– Смотрите, вон снова идет сумасшедший факир!

Уличные торговцы обернулись, чтобы посмотреть на высокого худощавого юношу, широким шагом направляющегося в их сторону. Он был энергичен, но держался замкнуто и ни с кем не разговаривал.

Никто не знал, кто он такой. Впервые он появился в маленьком городке Ширди подростком шестнадцати лет, когда подобно странствующим факирам держал путь неизвестно откуда и куда. Позже он снова пропал, скитаясь какое-то время, а потом вернулся, с тем чтобы остаться здесь на всю жизнь. Во время своих первых визитов он останавливался под деревом, в тени которого сидел днем, а ночью спал на голой земле и питался тем немногим, что подавали милосердные люди. Когда он прекратил

свои скитания и остался в Ширди, он поначалу отправился в небольшой индуистский храм с намерением сделать его своим пристанищем, но смотритель храма Махалсапати, который в дальнейшем стал одним из самых близких его учеников, принял его за мусульманского факира и отказал ему в крове. Махалсапати указал молодому человеку на мечеть как на место, где можно остановиться. Тот так и сделал, и маленькая грязноватая мечеть стала местом его постоянного обитания.

Иногда он разговаривал с индуистскими или мусульманскими странствующими монахами, проходившими временами через город, и один из них однажды сказал жившим в этом месте людям: «Берегите этого юного факира, он жемчужина в этой навозной куче».

Но люди оставили эти слова без внимания. Они смотрели на него в большинстве своем как на ненормального. Он держался отчужденно, почти ни с кем не разговаривая. Иногда он совершал *намаз* (ритуальное мусульманское поклонение с произнесением молитвы, которую следует читать пять раз в день), но очень редко. У него были свои странные привычки: в этой маленькой

мечети он все время поддерживал огонь, напоминая этим скорее парси, чем мусульманина. Кроме того, у него всегда горели масляные лампадки.

Пригоршня еды да масло для ламп – это все, в чем он нуждался и что ходил просить у торговцев. Вот и сейчас он шел, скорее всего, за этим. Один из продавцов толкнул другого локтем: «Давай позабавимся над ним и не дадим ему масла». Вокруг уже собралось несколько зевак. Получив отказ, молодой факир удалился, ни на что не жалуясь и ни о чем не прося.

Кто-то предложил: «Давайте последуем за ним и посмотрим, что он будет делать». Древний инстинкт преследования чужака взял свое.

Вскоре они собственными глазами увидели, как, вернувшись в мечеть, факир взял глиняный горшок с водой, налил ее в лампы, и они загорелись, как будто в них было масло.

Никто более не смел преследовать факира или смеяться над ним. Внезапно исполнившись глубокого почтения, они упали к его ногам и умоляли о прощении за то, что они сделали.

Уже больше никто не говорил о нем как о сумасшедшем факире. Население Ширди

поверило в эту «жемчужину в навозной куче». Они знали теперь, что среди них находится человек, обладающий необычными силами. Вскоре они поняли, что он – святой и учитель, проявляющий необыкновенное сострадание ко всем обделенным и несчастным. Однако он все еще оставался для них загадкой, тайной, странным человеком. Никто не знал его имени. Саи Баба – это, по сути, не имя. «*Саи*» – это персидское слово, означающее «святой», а слово «*баба*» на хинди – это ласкательное, уважительное обращение «отец». Было непонятно, почему он избрал Ширди своей обителью. Ширди – скорее деревня, чем город в шести милях от ближайшей железнодорожной станции – никогда не был каким-либо духовным центром, однако он провел здесь почти полстолетия вплоть до своей смерти в 1918 году, собирая все бóльшие толпы последователей из городов. Если тому была какая-то личная причина, она выглядела так же странно, как все обстоятельства его жизни: много лет спустя, став уже широко известным, он приказал одному из последователей вырыть яму у корней того дерева *ним*, под которым он имел обыкновение сидеть, когда впервые появился здесь. Под деревом обнаружили

могилу, о которой он сказал, что это могила его Гуру, но не в этой жизни, а в прежнем воплощении.

Почти ничего не известно о его юности. Можно с уверенностью утверждать лишь то, что он родился в семье браминов, принадлежавших среднему классу и живших в небольшом городе штата Хайдерабад. Возможно, его родители умерли, когда он был ребенком, так как еще в очень юном возрасте он покинул дом, последовав за мусульманским факиром. Через несколько лет факир умер, и он стал учеником одного из индуистских Гуру. К этому Гуру он питал глубочайшую привязанность и называл его ласково уменьшительным именем Венкуша. Вот что он рассказывал об их встрече и совместной жизни.

«Однажды я обсуждал Пураны и другие труды, которые читал с тремя своими приятелями, споря о путях достижения самопознания.

Один из них сказал, что мы должны рассчитывать только на себя, а не на Гуру потому, что в Гите говорится: Пробудитесь!

Второй придерживался того мнения, что самое важное – это контролировать ум и держать его свободным от мыслей и сомнений.

Третий заметил, что все формы преходящи и только Бесформенное неизменно, поэтому мы должны все время различать между вечным и преходящим.

Четвертого не устраивала никакая теория. Он сказал: “Давайте просто будем исполнять свои обязанности и отдадим всю нашу жизнь и мысли Гуру, который пронизывает собой все. Вера в него – вот все, что требуется”.

Бродя по лесу, мы встретили одного человека, работающего в нем. Он спросил, куда мы идем в такую жару, и предупредил, что мы можем просто заблудиться в лесной чаще. Он предложил нам отдохнуть и разделить с ним его трапезу, но мы отказались и, не вняв его совету, продолжили свой путь. И действительно, в конце концов мы заблудились в этом большом густом лесу.

Этот человек повстречался нам во второй раз и сказал, что всему виной то, что мы верили только в свои силы, тогда как нуждались в проводнике. Он снова пригласил разделить с ним обед, объяснив, что такое приглашение сулит удачу и не стоит им пренебрегать. Однако мы отказались и на этот раз и пошли дальше. Но я вдруг

почувствовал голод. Тогда я вернулся и взял от него кусочек хлеба и немного воды.

Тут появился Гуру и спросил, о чем мы спорили, и я ему все рассказал. Мои друзья ушли, не выказав к нему никакого почтения, а я уважительно ему поклонился. Затем он повел меня к колодцу, где связал мои ноги веревкой и подвесил меня вниз головой к дереву, что росло рядом. Между мной и водой было около трех футов, поэтому я ее не касался. Мой Гуру оставил меня там и ушел неизвестно куда. Вернувшись через четыре-пять часов, он спросил, как я себя чувствую. Я ответил, что все это время я испытывал величайшее блаженство. Он был очень доволен мною и обнял меня, проведя своей рукой по моей голове и телу.

Он всегда говорил со мной с большой любовью и сделал меня своим учеником, тогда как я всецело позабыл отца и мать и все свои желания.

Я любил внимательно смотреть на своего Гуру. Для меня не существовало никого другого, кроме него. И я не хотел возвращаться домой, я забыл обо всем, кроме Гуру. Вся моя жизнь сконцентрировалась на лицезрении моего гуру. Объектом моего

лицезрения и медитации был он. Я в безмолвии склонился к его стопам».

Эта история – типичный пример рассказов Саи Бабы, так как она вся носит символический характер. Лес – это джунгли ума, где происходит поиск Истины, а четверо друзей представляют собой четыре различных подхода в поиске Истины. Человек, выполняющий работу, – это Гуру, а пища, которую он предлагает, – его Милость. Появление Гуру означает, что после того как юноша принял предложенную ему пищу, он обнаружил, что тот, кто ее дал, есть поистине божественный Учитель. Поэтому он склоняет голову в почтении, т. е. признает его авторитет. То, что ученика привязали вниз головой над колодцем, символизирует обуздание его эго и удержание в поле зрения прохладных вод Покоя. (Описаны случаи, когда такой метод дисциплины буквально использовался учителями). Поэтому испытуемый исполнен блаженства, его страдания в конце концов вознаграждены тем, к чему он стремился. Полная сосредоточенность на Гуру – это *Садхана*, или Духовный Путь, и конечная ступень «в безмолвии я припал к его стопам» есть полное уничтожение эго при достижении Самореализации.

Гуру обычно ведет ученика по пути, по которому прошел сам. Поэтому этот рассказ важен в связи с шестой главой, где описываются методы обучения Саи Бабой своих последователей.

По другому случаю он сказал: «После смерти моего факира его вдова оставила меня с Венкушей в Селу. Я провел с ним двенадцать лет, а потом покинул Селу». Даже число двенадцать может быть просто символом завершенности, полноты цикла (двенадцать знаков Зодиака). Маловероятно, что ему было только шестнадцать, когда он впервые посетил Ширди после смерти Гуру. Известно, что ему было восемь лет, когда он ушел из дома, т. е. с факиром он, должно быть, провел всего несколько лет.

Одной из характерных его странностей было то, что всю свою жизнь он хранил обыкновенный кирпич, который дал ему Гуру. Когда в конце концов кирпич упал и разбился в 1918 году незадолго до смерти, он сказал: «Это не кирпич разбился, а моя карма, близок и мой конец».

Очевидно, нам нет особой необходимости знать что-либо о его жизни в юности и о том, что он изучал. Если бы это было нужно, он нам об этом рассказал бы.

Примерно в 1900 году слава Саи Бабы начала расти и распространяться. В таком отдаленном городе, как Мадрас, гуляя по базарной улице, то в одной лавке, то в другой можно было увидеть скульптурное изображение или портрет Саи Бабы, часто с зажженными перед ними благовониями. Вероятно, в Индии нет другого святого, у которого было бы столько последователей и чей культ был бы так популярен (мы не включаем сюда Раму и Кришну, которые, строго говоря, являются Аватарами, а не святыми).

Однако Саи Баба почти неизвестен за пределами Индии. Почему это так? Я полагаю, что Саи Баба не соответствует современной концепции святого, т. е. такого, который вел бы благопристойную во всех отношениях жизнь, не совершал слишком много или слишком странных чудес и изложил бы свое философское учение, на основе которого ученые могли бы написать трактаты, вдаваясь в рассуждения вроде «для человека X мир есть чистая иллюзия, тогда как для человека Y он представляет собой бесспорную, но преходящую реальность», и тому подобную бессмыслицу. Великие же святые исходят из Знания, а не из ментальных построений, и любые

противоречия, которые могут возникнуть между ними, связаны либо с невозможностью передать словами Невыразимое, либо с выбором той или иной точки зрения, подходящей определенному типу ученика. У подножья горы много точек обзора ее вершины, и Учитель может рекомендовать тот или иной путь, ведущий к ней. Такие тропы, указанные разными Учителями, могут пересекаться, извиваясь по горному склону, и близорукий географ может убедить нас в том, что они ведут в противоположном направлении, но Учитель знает вершину: она одна, и он знает, что все пути приведут к ней.

Саи Баба не написал ни одной книги. Он казался чудаком и открыто совершал чудеса с бесшабашной щедростью. Современному читателю трудно представить такого святого.

Он не только не писал книг, он их также и не читал. Иногда он советовал какому-нибудь последователю прочитать определенную религиозную или духовную книгу, но в большинстве случаев он не поощрял чтения: «Люди пытаются найти *Брахмана* в этих книгах, но находят там *бхраму* (заблуждение), а не *Брахму* (Бога)».

Это утверждение не согласуется с традиционными представлениями. За исключением очень редких случаев для понимания требуется некоторая теоретическая база. Однако постоянное накопление теоретических познаний не поможет духовному постижению. Действительно, интеллектуальное изучение может отвлечь человека от более сложной задачи приложения усилий в духовном плане из-за соблазна выбора более легкой альтернативы. Это представляет собой опасность, особенно в наше время, когда нас затопил поток книг. Шри Рамакришна также не увлекался книжным знанием и не поощрял этого в отношении других. Бхагаван Рамана Махарши, хотя сам и обладал исключительной эрудицией, не очень одобрительно отзывался о книжном познании. Спасутся скорее неграмотные, чем те, чье эго не покорилось, несмотря на все их познания. Неискушенные в книжном знании свободны от жестких тисков самолюбования, от болезни круговерти миллиарда мыслей, от бесконечной погони за умственными богатствами. Они спасены не от одного, но от многих зол.

Состояние неискушенности в знаниях, описанное здесь, конечно, не означает

невежества, но подразумевает простоту и целостность ума, которую проповедует Даосизм, это то, что Христос обозначил как состояние подобное младенцу, то, что Ислам подразумевает под неискушенностью Пророка. Оно не противоречит учености, однако, эрудиция не приведет к этому состоянию, более того, поглощенность книжными знаниями может его разрушить.

Многие годы велись споры о том, знал ли Саи Баба грамоту. Конечно же, никто не предполагал, что он знает санскрит. Однажды он показал свою ученость, а также проницательность со свойственным ему резковатым юмором.

Один ученик массировал ему ноги и напевал вполголоса. Саи Баба спросил его, что он бормочет.

– Стих на санскрите, – ответил тот, не подозревая о том, что Саи Баба знает Писание настолько, чтобы требовать более точного ответа. Но Саи Баба спросил его, какой стих.

– Стих из Гиты.

– Произнеси его.

Тогда ученик пропел на санскрите 34 стих IV главы. «Знайте, что *Джнани* (Просветленный), осознавший Истину, научит вас, как достичь *Джнаны* (Духовного Знания)».

– Тебе понятно это, Нана? – спросил его Баба.

– Да.

– Тогда расскажи мне о значении стиха.

Нана дал свободный перевод, но такой ответ не удовлетворил Саи Бабу.

– Мне не нужен перифраз, Я хочу знать точное грамматическое значение с указанием падежей, наклонениий и времени.

Нана дал буквальный перевод, теряясь в догадках по поводу того, знает ли Баба хоть сколько-нибудь грамматику санскрита. Но это скоро выяснилось.

– В «*татвиддхи*» что означает «*тат*»? – спросил Баба.

– *Джнану* (Знание).

– Какое знание? Знание чего?

– Знание, о котором говорят предыдущие *шлоки*.

– Что значит «*пранипат*»?

– Поклонение.

– А «*пат*»?

– То же самое.

– Если они означают одно и то же, зачем Вьяса (автор Махабхараты – эпоса, частью которого является Бхагавад Гита. – *Прим. авт.*) добавил два лишних слога?

– Я не вижу, чем они отличаются, – признался Нана.

Баба оставил это на какое-то время и перешел к следующему вопросу.

– Что означает *прашна*?

– Задавать вопросы.

– А *париправшна*?

– То же самое.

– Если оба слова означают одно и то же, тогда зачем Вьясе вздумалось использовать то, что длиннее?

– Я не вижу отличия.

– Следующее. Что значит *сэва*?

– Служение, подобное тому, как я сейчас массирую Ваши ноги.

– И ничего более?

– Я не знаю, что еще оно может значить.

– Оставим это тоже. Следующее. Кришна говорит Арджуне о необходимости обрести *Джнану* (Духовное Знание) от *Джнани* (Просветленного). Разве сам Кришна не был *Джнани*?

– Был.

– Тогда зачем он послал Арджуну к другим вместо того, чтобы преподать ему *Джнану*?

– Я не знаю.

– Разве Арджуна не был *дживой* (существом) и, следовательно, проявлением *Чайтаньи* (Универсального Сознания)?

– Да, был.

– Тогда как может быть дано Знание тому, кто уже является проявлением Сознания, или Знания?

Саи Баба тогда проинтерпретировал этот стих следующим образом: Гуру дает не *Джнану* (Знание), но *аджнану* (незнание, или невежество).

Нана, совершенно озадаченный значением стиха, казавшимся ему раньше простым и недвусмысленным, попросил Саи Бабу объяснить подробнее.

Тот разъяснил, что стих говорит о том, как ученик должен относиться к Гуру для того, чтобы достичь Самоосознания. Он должен полностью предать себя Гуру телом, умом, душою, пожертвовать всем, что ему принадлежит (сам Саи Баба не требовал от учеников, чтобы они жертвовали имуществом. Главное здесь – это отношение ума, должна быть готовность пожертвовать всем. – *Прим. авт.*). Вот что имеется в виду под поклонением. Исследование должно представлять собой постоянный поиск Истины, а не просто вопросы из любопытства или по нечистым мотивам, таким, как стремление испытать Гуру. Мотивом должно стать чистое желание духовного прогресса и Самореализации. Тогда служе-

ние не будет просто физическим, как, например, массажирование ног. Для того чтобы оно было эффективно, нужно расстаться с идей о том, что ты свободен выбирать, заниматься тебе служением или нет; ты должен чувствовать, что твое тело более не принадлежит тебе, ведь ты отдал его Гуру и оно существует только для служения ему.

Затем последовал ряд вопросов по поводу того, что Гуру дает невежество.

– Разве *Брахман* не является чистым Знанием, или бытием?

– Да, является.

– И все остальное – это небытие, или неведение (не-Знание)?

– Да.

– Разве писания не заявляют о том, что *Брахман* запределен речи или уму?

– Да.

– Тогда речь – то, что говорит Гуру – свидетельствует о том, что он не является *Брахманом,* или Знанием?

– Да.

– Значит, ты признаешь, что то, что говорит Гуру, есть не Знание, но неведение?

– Кажется, так.

– Тогда поучения Гуру есть просто незнание, используемое для того, чтобы

устранить невежество ученика, точно так же, как мы используем шип, чтобы вытащить другой шип, засевший в ноге, разве не так?

– Полагаю, что так.

– Ученик – это *джива* (существо), основополагающей природой которого является Знание, не так ли?

– Да.

– Тогда очевидно то, что нет необходимости давать ему Знание, нужно просто убрать пелену невежества, скрывающую существующее Знание. Этого, конечно, не достигнуть за один раз, так как ученик погряз в длящемся *веками* невежестве, и потребуются постоянные напоминания, наставления, возможно не одну жизнь. И в чем состоит вербальное обучение тому, что не поддается выражению словами? Разве это не то же, что устранение пелены неведения? Неведение скрывает лежащее в основе изначальное Знание подобно тому, как растения, растущие на поверхности воды, скрывают поверхность пруда. Расчистите водоросли, и вы увидите воду. Даже если вы ее не видите, она уже есть. Или возьмем другой пример: катаракта растет на глазу и снижает силу зрения; если убрать катаракту, человек снова будет хорошо видеть.

Невежество – это катаракта. Вселенная есть пышное проявление невообразимой Майи, являющей собой невежество. Однако, чтобы устранить это невежество, требуется то же невежество.

Божественному Знанию нельзя обучить, его необходимо осознать. Поклонение, *вичара* (духовное различение), и служение – это методы, посредством которых можно обрести Милость Гуру.

Представление о том, что феноменальный мир реален, равнозначно пребыванию в иллюзии. Иллюзия – это завеса, скрывающая Знание. Сорвите ее, и Свет *Брахмана,* или Знания, засияет в полную силу.

Невежество – это семя *самсары* (рождения и смерти). Приложите к глазам лекарство Милости Гуру, и завеса Майи приподнимется, обнажив *Джнану* (Знание). Джнана – это не то, чего достигают, но то, что вечно и существует само по себе. Атрибутами невежества, с другой стороны, являются причина и следствие. Невежество коренится в идее того, что духовный искатель отделен от Бога. Избавьтесь от этой идеи, и останется только Джнана!

Теперь к вопросу о том, почему Кришна направлял Арджуну к другим гуру вместо того, чтобы Самому преподать ему

Джнану. Считает ли Кришна других *Джнани* отдельными от Себя или их учение отличным от Своего учения? Нет. Итак, их учение – это Его учение, и между ними нет никакого различия.

Саи Баба затем сказал Нане, чтобы тот принес Бхагавад Гиту и читал из нее по главе каждый день с тем, чтобы давать объяснения. Тот так и сделал, но не вел никаких записей. Книге, глубину и силу которой можно представить исходя из вышеупомянутого случая, просто не суждено было быть записанной. Но даже этого эпизода достаточно, чтобы показать то, что, когда Саи Баба обсуждал теоретические вопросы, это была чистая *Адвайта*, доктрина недуализма (недвойственности), т. е. самая суть духовного знания.

А сейчас коснемся вопроса чудес. В наше время большинство Духовных Учителей избегают чудес. Чем больше век пропитан материализмом, тем большее впечатление производят на людей различные знаки и чудеса, которые (как Христос предупреждал своих последователей и что является общепринятым в Индии), без всякого сомнения, всегда имеют духовное значение в своей сути. Но их использование в наше время обычно рассматривается

как нежелательное. Возможно, мы не имеем права самонадеянно рассуждать о том, что Учитель считает нежелательным или почему, и лучше просто обратить внимание на факт, что они используются реже. Божественная Милость может проявлять разными способами потенциал великого Святого и Учителя, но это уже рассматривается иначе и не включает открытые или намеренные демонстрации. Последователи Раманы Махарши, величайшего Мудреца современности, отмечали то, как он отвечал на их молитвы, исцелял, спасал от опасностей, хотя он не совершал чудес всем на обозрение. Когда его попросили дать этому объяснение, он сказал: «Достаточно, чтобы мысль *Джнани* направилась на что-либо, как сама по себе начинается божественная работа». Все его действия подобного рода всегда носили насколько возможно незаметный характер.

Но в случае Саи Бабы все обстояло иначе. Его чудеса были у всех на виду. Здесь ничто не происходило само по себе, незаметно. Две следующие истории помогут показать это отличие.

В Тируманнавалаи умерла женщина. Муж умершей не мог доставить тело к месту кремации, так как дождь лил целый

день, и небо было свинцового цвета. В индийском климате хранить тело более суток до захоронения или кремации считается нецелесообразным и запрещено. Бедняга отправился посоветоваться с Махарши. Посмотрев на небо, Махарши сказал, как мог сказать любой человек: «Я думаю, что небо прояснится». Его последователь, вернувшись домой, тут же приказал запрягать волов в повозку, чтобы везти тело в город для кремации. Такова была его вера в каждое слово Махарши. И действительно, дождь прекратился на довольно долгое время, позволив ему осуществить задуманное.

А вот другая история.

Местечко Ширди находилось в шести милях от Копергаона, ближайшей железнодорожной станции, и добраться туда можно было только на лошадях. Кому-то из последователей Бабы срочно потребовалось сесть на ночной поезд, чтобы вернуться в Бомбей, но разразилась ужасная гроза. Саи Баба посмотрел на небо и закричал: «Эй! Довольно! Остановись! Мои дети должны вернуться домой». И гроза прекратилась.

Однако его чудеса служили определенным целям. Насколько эти цели были разнообразны, будет показано дальше. Он го-

ворил: «Я даю моим последователям то, что они хотят, чтобы они начали хотеть то, что я желаю им дать».

Даже помимо его чудес, в Саи Бабе было нечто очень необычное, странное. Он учил как индуистов, так и мусульман возжигать священный огонь в мечети, ругал своих учеников и даже бил их палками, отвечал на невысказанные мысли, бросал в них камнями и оскорблял, прогоняя прочь скептически настроенных последователей, или совершал чудеса, чтобы привлечь их, открыто просил деньги, а затем отдавал их другим. Он был духовным Гаргантюа, таким, перед которым сам Гаргантюа предстал бы просто школьным мальчишкой. Он, бывало, обрушивался на кого-то в ярости без всякой видимой на то причины, изливая шквал ругательств, но гроза проходила, и он вдруг милостиво говорил с кем-то, кто только что приехал или уезжал. Он часто повторял священные мусульманские речения, арабские или персидские, редко или почти никогда индуистские, тихонько, как будто не хотел, чтобы его услышали.

Он также совершал странные ритуалы. Часто перед ритуальным костром он стоял и потирал одну о другую монеты. Один из его последователей, Дас Гану, описывает

это так: «Саи Баба временами проводил странные ритуалы с часу до двух пополудни в мечети, будучи наедине и за ширмой. Он брал кошелек с десятью-пятнадцатью старыми монетами разного достоинства от четверти анны до одной рупии и слегка тер их кончиками пальцев. Не знаю, произносил ли он в это время какую-либо мантру. Поверхности монет были стертыми и совсем гладкими. Иногда, потирая их, он говорил: “Это Нана, это Бабу...” Но стоило кому-либо приблизиться, он собирал их, прятал обратно и кошелек убирал».

Очевидно, монеты символизировали учеников, с которыми он духовно работал, наделяя Милостью, преобразуя и поддерживая их. Это делает любой учитель, но Саи Баба использовал символы там, где другие могли и не пользоваться внешними знаками.

Один последователь-мусульманин, личный помощник Саи Бабы, описал другую его странную привычку: «Баба имел обыкновение сидеть за колонной, в углублении которой находилась постоянно горевшая лампадка. Он обычно сидел за колонной, а не впереди нее, так что с его места лампадки не было видно. Я никогда не видел, чтобы он созерцал пламя. Я, бывало,

наполнял глиняные горшки водой и ставил рядом с ним. Из двух горшков он разбрызгивал воду в разных направлениях. Не знаю, зачем он это делал и читал ли он при этом мантру».

Опять же это, должно быть, служило символом его вечно изливающейся Милости.

Самым необычным было то, как он спал. Бóльшую часть жизни он спал на доске пяти футов длиной и в фут и три дюйма шириной, привязанной к потолку тонкими полотнищами старой ткани. Доска висела в шести футах от земли, и на ней в произвольном порядке были расставлены лампы. Не только чтобы взобраться на нее, но и чтобы оставаться там, не повредив опоры, должно быть, требовалось умение левитировать, не говоря о том, что нормальный сон там был невозможен. Однажды, когда Дас Гуну и другие ученики пришли взглянуть на эту доску, Баба в приступе гнева схватил ее и разбил вдребезги.

Объяснение такому странному способу спать можно найти в пространном комментарии, сделанном госпожой Менеджер, парсийкой: «Меня поразило одно заметное отличие Саи Бабы от других святых. Я посещала других известных святых и видела их в состоянии транса, или *самадхи*,

в котором они полностью не осознавали свои тела. Затем я наблюдала, как они выходили из этого состояния, зная, что происходит в наших сердцах, и отвечали на наши вопросы. Но Саи Бабу отличала одна особенность, ему не нужно было входить в *самадхи* для того, чтобы подняться на более высокий уровень осознания или получить знание о чем-то. В любое мгновение он пребывал одновременно на двух уровнях: в теле по имени Шри Саи Баба и имел дело с эго других людей, как в мирских, так и в духовных вопросах, а также на другом уровне, что превосходило эго и пребывало в состоянии Вселенской Души. Он постоянно проявлял силы и качества, характерные для обоих состояний сознания. Другие святые забывали о своих телах и окружении, а затем вновь возвращались к ним, но Саи Баба постоянно находился как внутри, так и за пределами материального мира. Другим, казалось, требовалось прикладывать особые усилия, чтобы узнать, что содержится в умах людей и рассказать им об их прошлом, но Саи Бабе не требовалось никаких усилий. Он всегда пребывал в состоянии всеведения».

То, о чем рассказывает госпожа Менеджер, автор наблюдал и в случае с Раманой

Махарши. Просветленный может пребывать в состоянии *самадхи*, или Божественного Знания, и при этом не нуждаться не только в состоянии наподобие транса, но и в обычном сне. Он не впадает в забытье, общеизвестное как сон, но испытывает свет *самадхи*. Это означает, что Саи Баба не спал по ночам, но левитировал и пребывал в *самадхи*, наблюдая за своими последователями и посылая им свою Милость. Почему он демонстрировал это и в то же время впадал в гнев, когда за ним наблюдали, – это другой вопрос.

Сила характера Саи Бабы и его незаурядность, символизм его речи и жесткость поведения ярко проявлялись в том, как он обходился с местными властями. В близлежащем городе Дхулии был арестован и предстал перед судом кто-то пойманный с украденными драгоценностями. Это было бы простое дело, если бы вор вдруг не сделал смутившее всех заявление, что украшения ему дал никто иной, как Саи Баба. Всякий знал, что каждый день Саи Бабе приносили всевозможные ценности, и в тот же день он все это распределял и раздавал. Но в данном случае было точно известно, что украшения краденые.

Властям ничего не оставалось, как вызвать Саи Бабу в суд.

– Баба, вот для Вас повестка в суд, – робко промямлил полицейский констебль.

– Возьмите эту дрянную бумагу и бросьте в огонь, эй, кто-нибудь! – гневно воскликнул Баба. Один из учеников так и сделал. Естественно, что такое пренебрежение к властям не могло пройти незамеченным, и был выписан ордер на арест Бабы. Констебль, нервничая, явился с ним к Саи Бабе: «В этот раз они послали ордер, Баба, не изволите ли Вы поехать со мной в Дхулию?

Излив поток ругательств, Баба приказал ему выбросить бумагу в туалет.

Некоторые из более влиятельных последователей собрались для того, чтобы обсудить, что можно сделать по этому поводу. Они составили петицию-обращение в суд о том, что того, кому поклоняются столько людей, не должны вызывать в суд, и просили, чтобы в Ширди выслали вместо этого уполномоченного для записи показаний Бабы. Власти пошли навстречу и послали некого Джоши, судебного исполнителя первой степени.

– Ваше имя? – начал он.

– Меня называют Саи Бабой.

– Имя вашего отца?
– Тоже Саи Баба.
– Как звали Вашего Гуру?
– Венкуша.
– Вероисповедание?
– Кабир.
– К какому классу принадлежите?
– Парвадигар.
– Возраст?
– Тысячелетия.

Это были обычные вопросы, предваряющие расследование. Только ответы на них были необычны. Все они были загадочны и символичны. Саи Баба, как уже объяснялось, это не имя, а *характеризующее слово*. Дав такое же имя своему отцу, он подразумевает, что больше не обусловлен связями человеческого родства. Кабир был великим поэтом, святым конца XV – начала XVI века, среди последователей которого были как индуисты, так и мусульмане. Упомянув его имя, Саи Баба также указывает на то, что превосходит какую бы то ни было религию и направляет последователей по любому пути. Парвадигар – это имя Бога. Общепринятым фактом является то, что тот, кто достиг Самопознания, возвысился над четырьмя кастами, и пребывает в состоянии Божественности. Таков был

2*

смысл, вкладываемый Бабой. Что касается ответа на вопрос о возрасте, Баба имел в виду, что не подвластен ограничениям времени, утвердившись в вечном сейчас духовного осознания.

Следующий процедурный вопрос, должно быть, прозвучал особенно показательно:

– Клянетесь, что будете говорить только истину?

– Истину, – кратко подтвердил тот.

– Знаете ли Вы обвиняемого?

– Да, я его знаю.

По крайней мере, это звучало удовлетворительно, но только пока Саи Баба не добавил:

– Я знаю всех и каждого.

– Он говорит, что является Вашим последователем и жил с Вами. Это так?

– Да. Все пребывают со мной. Все мои.

Это утверждение говорило об универсальности Божественного Человека, но мало что представляло как свидетельское показание.

– Это Вы дали ему драгоценности, как он утверждает?

– Да, я их ему дал.

Но снова простое утверждение лишено смысла метафизическим добавлением:

– Кто что дает? И кому?

– Если Вы дали ему драгоценности, как они попали к Вам?

– Все мое.

Это вывело следователя из себя. Все это могло служить образцом метафизики, но не годилось в качестве показаний.

– Баба! – попытался он убедить Учителя. – Это серьезное обвинение в краже. Этот человек говорит, что Вы принесли ему драгоценности.

Баба тоже вышел из себя.

– Что все это значит? Какого черта, я-то тут при чем? – и пошел прочь.

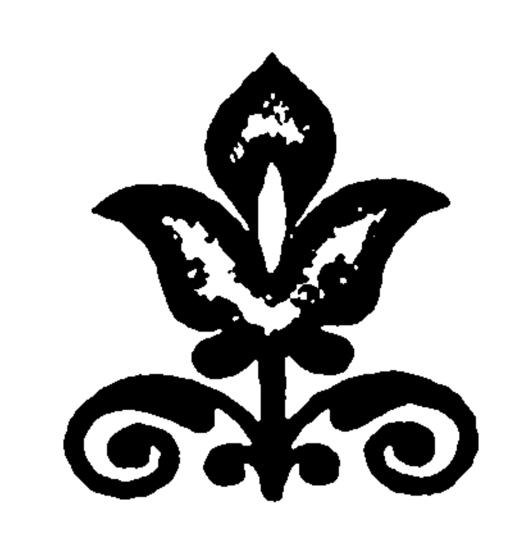
Впоследствии вопрос о даче показаний отпал сам собой, так как выяснилось, что обвиняемого не было в Ширди в то время, когда была совершена кража. Интересно отметить то, что Саи Бабу не просили подписать ни одной бумаги. У него не было имени, чтобы подписаться.

Примерно с 1900 года слава Саи Бабы стала распространяться, и в последние десять лет его жизни в Ширди постоянно приезжали толпы последователей. Больные исцелялись, у бездетных рождались дети, сомневающиеся обретали веру. К концу жизни Саи Бабы каждый год проводились торжественные шествия с колесницей,

запряженной конями и слоном, как для царственных особ. Саи Бабе не нравилась вся эта помпезность, но он уступал настойчивым просьбам своих последователей. Каждый день потоком приходили богатства и растекались как вода, так что на момент смерти у Саи Бабы оказалось денег только на то, чтобы покрыть расходы на похороны. После его смерти число последователей не уменьшилось, но возросло. Как, в таком случае, он остался неизвестным за пределами Индии?

Я уже пытался ответить на этот вопрос. В Индии все еще присутствует сильная вера. Есть святые, хотя большинство из них предпочитают оставаться в безвестности. Есть настоящие странствующие *садху* и факиры, также есть и мошенники. Но существует и другая сторона медали. Индия, подпавшая под влияние западных идеалов науки и прогресса, в силу демократии ли или коммунизма, очень чувствительно относится к тому, чтобы не выглядеть отсталой или суеверной. Именно те, кто являются продуктом такой Индии, пишут книги для западных издателей, для зарубежного рынка. Неудивительно

поэтому, что они бояться прославлять святого, что обучал не книжным знаниям, а с помощью чудес. Последователи Саи Бабы принадлежат в основном к консервативному классу (хотя мы можем обнаружить в их рядах и очень необычных людей). О нем было издано много книг на местных языках, но, возможно, вполне естественно то, что открыть Саи Бабу западному миру довелось человеку Запада.



Глава 2

ГУРУ И ЕГО СЕМЬЯ

Чудак, эксцентрик, да, но нельзя не обратить внимание на ту исполненную любви заботу, которую он проявлял в отношении своих учеников, того духовного развития, имевшего в них место благодаря ему, а также той любви и преданности, которые они к нему питали. Возможно, поэтому лучше предварить эту главу следующим утверждением одной из его учениц, уже упоминавшейся госпожи Менеджер.

«Первое, что поражало в Саи Бабе, – это взгляд. В его взгляде была такая сила и пронзительность, что никто не мог долго смотреть ему в глаза. Чувствовалось, что он читает мысли, и люди отводили взгляд и почтительно склоняли голову. Казалось, что он был не только в вашем сердце, но в каждом атоме вашего тела. Достаточно было нескольких слов или жеста Саи Бабы,

и становилось очевидным, что он знал все о прошлом, настоящем, даже будущем и обо всем остальном. Ничего не оставалось, как доверительно подчиниться и отдаться ему. Он всегда обращал внимание на самые незначительные мелочи и помогал нам советом во всех превратностях жизни».

Госпожа Менеджер особо подчеркивает его любовь и заботу, духовный подъем от его присутствия. Он был настолько близок своим последователям не только благодаря своей силе. Его исполненная любви забота сочеталась с усилиями по превращению Ширди воистину в рай для тех, кто приезжал туда. «Сразу по приезде мы ощущали себя в полной безопасности, ничто не могло повредить нам. Когда я приходила посидеть рядом с ним, я всегда забывала о своей боли, о самом теле, обо всех повседневных заботах и беспокойствах. Проходили часы, а я, исполненная блаженства, сидела, не замечая течения времени. Я думаю, что это чудесное переживание испытывали все его настоящие ученики. Он был все во всем и Все для нас».

Другой последователь, И.Дж. Галванкар, особо отмечает очищающий эффект влияния Саи Бабы. «Впервые я посетил Саи Бабу в 1911 году. Я поехал потому, что туда

собрался ехать мой тесть и другие родственники. Я слышал о святости Саи Бабы, но в то время не искал серьезно его поддержки в духовном или мирском отношении. Так я побывал там четыре или пять раз, и постепенно вырос мой интерес к нему. Потом я увидел его во сне, в котором он попросил две рупии *дакшины* (милостыни). Проснувшись, я решил отдать ему эти деньги и послал их в Ширди переводом. В том же сне он дал мне два ценных наставления: первое – быть всегда честным и неподкупным, а второе – соблюдать целомудрие. Я старательно и прилежно придерживался этих наставлений. Однажды, когда я приехал в Ширди приблизительно в году 1917, он подержал руку над моей головой, и это подействовало на меня странным образом. Я полностью забыл себя и все, что меня окружало, и впал в состояние экстаза. Позже я узнал, что пока я находился в этом состоянии, Саи Баба говорил присутствующим, что мне присущи чистота и невинность. Он описал им различные формы и условия жизни, с которыми мне пришлось иметь дело в прошлых воплощениях и сказал, что поместил меня в чрево моей матери в этом рождении, и я все же сохранил свою чис-

тоту и целомудрие. Требование заплатить две рупии – символ, часто использовавшийся Саи Бабой. Он потребовал две монеты чистоты и целомудрия».

Иногда он являлся людям во сне или видениях, чтобы привлечь их к себе. Именно Учитель всегда притягивает своих последователей, хотя может казаться, что это их решение или просто дело случая, что его выбор пал на них, а не на кого-то другого. Саи Баба высказывался по этому определенно и недвусмысленно: Я притягиваю своих людей издалека многими способами. Это я разыскиваю их и привожу к себе. Даже если они находятся за тысячи миль отсюда, я притягиваю их к себе, подобно птичке, к ноге которой привязана бечевка. Многие, конечно, приезжали, просто услышав о многочисленных чудесах в надежде на какие-то блага в мирской жизни. Некоторые из их числа, однако, постепенно развивали стремление к богатству высшего порядка, даруемому Бабой. «Мои люди сначала приходят ко мне за преходящими ценностями, но, получив их, следуют за мной».

Один последователь при виде разнородной толпы собравшихся спросил Саи Бабу, для всех ли будет полезно пребывание

с ним. Вопрос этот может быть адресован любому Учителю, располагающему многочисленными последователями. В ответ Саи Баба указал на цветущее манговое дерево: «Какой замечательный бы был урожай, если бы все цветы принесли плоды, но разве это так? Большая их часть просто опадает. Остаются только немногие».

Р.Б. Пурандхар один из таких цветков, превратившихся в плод. Он оставил описание своего первого посещения Ширди. «Первый раз я услышал о Саи Бабе в 1909 году и поехал взглянуть на него. У меня не было корыстных мотивов, хотя я был беден и у меня не было родителей. Меня всегда привлекало общество *садху,* и я почувствовал интерес к нему, так как слышал, что он святой. Он приснился мне и позвал в Ширди. В то время моя дочь (ей было около шести месяцев) серьезно заболела, поэтому моя мать возражала против поездки. Несмотря на это, я настоял на своем и взял с собой мать, жену и ребенка. Мы провели там тринадцать дней, и на третий день ребенок полностью выздоровел. Баба не позволил мне отправиться в обратный путь вплоть до тринадцатого дня. Я никогда его ни о чем не спрашивал, но моей матери он сказал, что был связан со

мной семь столетий, никогда не забывал обо мне, независимо от того, как далеко я от него находился, и не притрагивался к пище в мое отсутствие.

С разрешения Бабы я уехал в Насик, а оттуда вернулся домой в Дадар. По приезде моя жена заболела холерой, и врач сказал, что нет надежды на ее выздоровление. Потом я увидел, что Саи Баба стоит рядом с небольшим храмом напротив нашего дома. Он приказал мне дать ей *удхи* (священный пепел), который я привез из Ширди. Я так и сделал, и через полчаса к ней вернулось сознание в такой степени, что врач снова возобновил свои усилия. Вскоре с ней все было в порядке».

Конечно, некоторые из приезжавших в Ширди не имели никакой веры, а хотели просто взглянуть, как выглядит этот странный чудотворец. К их числу принадлежал один станционный смотритель англо-индийского происхождения из близлежащего города. По приезде он увидел, как Саи Баба моет глиняные горшки и ставит их горлышком вниз. Тот спросил, зачем он это делает, на что Саи Баба дал саркастический ответ, имея в виду некоторых слушателей, что не отличались восприимчивостью:

«Горшки приходят ко мне вот так – горлом вниз».

Дешпанд, последователь, о котором здесь часто будет идти речь, рассказывает о своем дяде, не имевшем поначалу веры. Несколько раз он приезжал, чтобы увидеть Саи Бабу и убедиться самому в его святости, но Саи Баба бросал в него камнями и не позволял даже приблизиться к мечети. В другом случае Саи Баба внезапно перевернул предвзятые представления одного человека таким же необычным способом. Врач-брамин приехавший со своим другом, заранее предупредил последнего, что не будет поклоняться Саи Бабе, так как почитает Шри Раму и никого другого. Стоя перед мечетью, он наблюдал за происходящим внутри индуистским ритуалом, а затем неожиданно бросился внутрь и упал к ногам Саи Бабы. Когда позже его спросили, что заставило его изменить свое отношение, он сказал, что увидел перед собой Саи Бабу, принявшего форму Рамы.

В этом случае посетитель не был изгнан, как в предыдущих двух эпизодах, было лишь покончено с его невежественными представлениями о вере и сведением ее к одному проявлению Бога, следовательно, он заслуживал наставления, но метод

обучения был типичным для Саи Бабы. Другой Учитель, возможно, объяснил бы, что все Гуру одно, так как представляют единое Я и приводят своих последователей к Единому, но Саи Баба был своеобразен во всех своих проявлениях. Он обучал символами, а не словами. Поэтому вместо того, чтобы сказать, он это наглядно показал, воплотившись в ту форму, которую почитал этот брамин.

Такая демонстрация была далеко не единственной. Например, подобный случай произошел с надменным брамином из Насика. Незадолго до приезда этого человека в Ширди, Баба вдруг попросил принести краску цвета охры, чтобы покрасить свою одежду. Однако на самом деле ее не покрасил, он всегда носил белое, что продолжал делать и сейчас. Брамин приехал и приблизился к мечети, соблюдая определенную дистанцию с тем, чтобы не загрязнить себя. Внезапно он побежал к мечети и припал к ногам Саи Бабы. Он увидел там не Саи Бабу, а своего одетого в оранжевое Гуру.

Когда у Саи Бабы появлялся новый последователь, он его уже не отпускал. Он говорил: «Когда кто-то из моих учеников умирает, даже за тысячу миль отсюда, я притягиваю его к себе, как притягивают

воробья привязанной к его ноге бечевкой. Я не допущу, чтобы мои люди покинули меня». Его? – Его Милость. Он отдавал, но не брал, приводя от отделенности снова к Единству, от мира к Духу.

Он демонстрировал детальное знание мыслей и действий своих последователей, их прошлого и настоящего, в Ширди и далеко за его пределами. Временами это, должно быть, вызывало смущение, приводило в замешательство. Слово «демонстрировал» здесь употреблено в буквальном значении, так как он действительно выставлял все напоказ, не скрывал этого.

Типичный случай, с характерным для Саи Бабы юмором, касался одного чрезмерно консервативного приезжего. Саи Баба не одобрял ортодоксальность со всеми ее крайностями, как, например, отказ от употребления лука. Приверженец Бабы, по имени С.Б. Начне, рассказывает следующую историю: «Я поехал в Ширди в 1915 году с группой, в числе которой была и моя теща. Мы остановились в Сатхе Ваде (сейчас отель сменил имя на Навалкар Ваду). Часть помещения занимал Дада Келкар. Моя теща принялась резать лук для приготовления обеда. Дада был строгим ортодоксальным брамином и не выно-

сил лука. Он вышел из себя и накричал на нее, это она приняла близко к сердцу.

Спустя несколько часов у внучки Дады сильно заболели глаза, и она начала плакать. Дада направился прямиком к Бабе и попросил исцелить ее. Саи Баба, которому никто не говорил о ссоре, сказал, чтобы тот натер глаза ребенка луком. Дада спросил, где взять лук, возможно надеясь получить тот, которого касался Баба, но Баба вместо этого указал на мою тещу и сказал: «Возьми у нее».

Стоит отметить то, что в головах этих последователей ни на мгновение не поселилось сомнение, что такое странное средство, предписанное Саи Бабой, подействует. По приезде какого-нибудь ученика Саи Баба мог развлечь присутствующих историей о том, что случилось с данным человеком, иногда ведя рассказ от первого лица, отождествляя себя с учеником, а иногда в безличной манере, не упоминая того, с кем это было. Это мог быть долгий, полный подробностей рассказ либо краткое изложение.

К числу последних относится пример с Адамом Далали, мусульманином. Когда, бывало, к его дому подходил бедный *марвари* и просил милостыню, он давал ему

четыре анны (достаточно в то время, чтобы пообедать) и посылал на постоялый двор для *марвари*. По приезде Далали в Ширди Саи Баба тут же сказал: «Я пришел в дом этого человека, а он послал меня на постоялый двор».

В наибольшей степени силы Саи Бабы проявлялись в исцелении болезней. Поначалу он имел обыкновение прописывать разные травы. Затем как-то раз он приказал служителю, раздававшему снадобья, не заниматься больше травами, но давать всем и каждому одно и то же средство. Какое-то время тот раздавал всем приходившим дезинфицирующее средство, и все они исцелялись. Но позже он начал использовать *удхи*, или священный пепел от костра. Сам Саи Баба часто исцелял, и не прибегая к помощи каких-либо физических средств, но его последователи, находясь далеко от него и принимая *удхи*, выздоравливали и до сих пор им пользуются.

Невозможно описать все чудесные исцеления, имевшие место благодаря Саи Бабе. Поделиться воспоминаниями о них может почти каждый ученик и, помимо свидетелей происходившего в Ширди, есть те, кто по сию пору испытывают благотворное влияние от молитвы к Саи Бабе. Здесь

приводятся только несколько типичных случаев. В некоторых из них, как будет видно, проявляется необыкновенная сила, превосходящая просто исцеление.

Джозеф, офицер полиции, римско-католического вероисповедания, писал: «Я никогда не бывал в Ширди, но слышал о Саи Бабе от друзей, и у меня была его фотография. Я не поклонялся его портрету, но рассматривал Бабу как святого, обладавшего огромной силой». Джозеф добавляет, что его семейным святым-покровителем был Святой Франциск из Наварры, но он также обращался с молитвами к Саи Бабе и получил на них ответ. В 1917 году заболел Норвекар. Его сын взял пятьсот рупий и отправил Бабе. У Бабы, когда он получил эти деньги, поднялась высокая температура. На вопрос, почему так произошло, он ответил: «Делая что-либо для других, мы должны брать ответственность и их бремя на себя». Вскоре Норвекар выздоровел.

Тот факт, что Саи Баба принимал деньги, сам по себе необычен, так как те, кто совершают духовные исцеления, зачастую отказываются от вознаграждения. Но, в действительности, в данном случае речь не идет о вознаграждении, так как Саи Баба никогда оставлял эти деньги себе.

Однако его отношение к деньгам было своеобразным, что будет рассмотрено в отдельной главе.

У Дешпанда, чей дядя сомневался в Саи Бабе, был слепой дедушка. В 1916 году он взял последнего с собой в Ширди и за руку подвел к Саи Бабе.

Старик припал к стопам святого и просто сказал:

– Баба, я не вижу.

– Ты будешь видеть, – ответил Баба. – Дай мне четыре рупии.

Снова просьба о деньгах, хотя и о смехотворно маленькой сумме. Дешпанд пошел разменять купюру, а когда вернулся с четырьмя рупиями, Саи Баба положил руку на голову старика, и к тому вернулось зрение. Когда исцелившийся начал восторженно прославлять Бабу, тот просто сказал ему взять *удхи* и идти. Брать *удхи*, покидая святого или храм, – один из обычаев, закрепленных традицией.

В другом случае, пожалуй, еще более удивительном, слепая женщина воскликнула: «Баба, я пришла, чтобы увидеть тебя этими глазами». Она тут же смогла его увидеть, но, как только покинула мечеть, вновь лишилась зрения. Ей было даровано именно то, о чем она просила.

В 1913 году маленький сын Б.У. Бахалкара слег с лихорадкой на пять-шесть дней, и врач сказал, что нет надежды. Бахалкар тогда сел и обратился с молитвой к Саи Бабе (индуисты обычно молятся сидя со скрещенными ногами). В два часа ночи Саи Баба появился в его комнате, нанес *удхи* на лоб ребенка и сказал: «Не стоит больше волноваться. Через два часа мальчик пропотеет, а утром ему станет лучше. Когда он совсем поправиться, привези его ко мне». Конечно, произошло все так, как было сказано.

Этот случай имел место третьего марта в доме Бахалкара в Дхулии. Спустя два дня он получил письмо от Дешпанда, находившегося тогда в Ширди, в котором тот писал, что Саи Баба сказал ему: «Я побывал в Дхулии, в доме твоего друга». Дешпанд спросил какого, и Баба ответил: «Упасана Бахалкара. Я прихожу к нему каждый день. Ты лучше ему напиши».

Однажды Саи Баба в своей эпатирующей манере заявил Махалсапати, постоянно проживающему в Ширди: «У твоей жены очень болезненная опухоль на шее, я ее исцелю. Никто, кроме меня, не сможет ей помочь».

Жены Махалсапати в то время не было в Ширди, и он даже не подозревал, что у нее имелась эта опухоль. Позже он получил письмо, в котором говорилось, от чего она страдала и как внезапно выздоровела.

Следующий эпизод можно назвать своего рода проверкой.

М.В. Прадхан, мировой судья, рассказал о том, как заболел его юный сын, Бабу. В их доме жил телужский священник и, как это часто заведено в зажиточных семьях, проводил для них все ритуальные обряды. Священник, хотя и был очень привязан к этой семье, не признавал Саи Бабу. Напротив, он даже рассматривал болезнь ребенка как наказание за поклонение тому, кого он считал мусульманином. Поэтому он попросил родителей поехать и помолиться Даттатрейе (тому аспекту Бога, которому они поклонялись), и помолиться о выздоровлении сына. Те ответили, что Саи Баба и есть Датта. Однажды ночью священнику приснился человек, в котором он узнал по фотографии, висевшей в доме, Саи Бабу. Он сидел на верху лестницы с короткой палкой в руке. Во сне Саи Баба сказал ему: «Что ты имеешь в виду? Я Бог в этом доме».

Бхат никому не рассказал о своем сне, состояние же ребенка тем временем про-

должало ухудшаться. В конце концов, не выдержав, священник подбежал к портрету Саи Бабы и воскликнул: «Если ребенку к четырем пополудни станет лучше настолько, чтобы он смог спуститься вниз, я признаю, что ты Датта».

Температура начала спадать, и к четырем часам мальчик сам попросил у матери разрешения сойти вниз, чтобы поиграть.

И напоследок еще один случай, где имело место не только исцеление, но и предсказание болезни.

С.С.Д. Нимонкар, полицейский инспектор, ехал из Пуны в Нимон, где у жены его брата родился ребенок. По пути он остановился в Ширди, чтобы увидеться с Саи Бабой. Когда он собрался ехать дальше, Саи Баба дал ему свой традиционный *удхи*, сказав: «Спаси жизнь ребенка». По прибытию в Нимон, Нимонкар узнал, что новорожденный при смерти. Он почти не дышал, и родители потеряли всякую надежду. Нимонкар бросился искать *удхи*, но не смог его найти. Должно быть, он потерял его по дороге. Несмотря на это, он взял ребенка на колени и стал молиться Саи Бабе о помощи, и через пятнадцать минут кризис миновал и младенец начал приходить в себя.

Помощь Саи Бабы часто проявлялась и в случаях бездетности. Обычно в знак благословения он давал кокос, а иногда какой-нибудь фрукт. Однажды он не сразу согласился разбить кокос, несколько раз откладывая его в сторону, пока последователь не убедил его сделать это.

Д.С. Разан не имел детей от первой жены, женился на второй, но и та не родила ему ребенка. Следует дать здесь дополнительное разъяснение по поводу того, что даже до нового законодательства, запрещающего полигамные браки, большинство индусов придерживались моногамии, но, если у отца семейства не было сына, чтобы тот совершил для него погребальный обряд, он мог взять вторую жену с согласия первой.

Однажды, когда Разан приехал в Ширди, Саи Баба тут же вручил ему четыре манго и, назвав его уменьшительным именем, сказал: «Дамиа, возьми эти манго, съешь их и умри».

Как всегда, в словах Саи Бабы имелся символический смысл. Разан сначала опешил, пока ему не объяснили другие, что обретение сына равнозначно смерти, так как он приходит на место отца. Погрузиться в мирскую жизнь – все равно что уме-

реть, а оставаться спокойным и отстраненным – значит жить.

Баба добавил:

– Не ешь их сам, дай их своей жене.

– Которой? – спросил тот.

– Второй. Пусть она их съест и родит двух сыновей. Назови первого Даулат Шах, а второго Тхана Шах.

Позже Саи Баба предсказал, что у Разана будет восемь детей, так оно и оказалось. При рождении первого сына ученик приехал к Саи Бабе и спросил, какое дать ему имя. Несмотря на всех тех людей, с которыми Баба повстречался за это время, и множество других обстоятельств, Саи Баба тут же ответил: «Разве ты забыл, что я тебе говорил? Ты записал это на третьей странице своего блокнота. Разве не я велел тебе назвать его Даулатом Шахом?» Один случай с Шапатнекаром оказался сложным и растянулся на много лет. Духовный Учитель обладает огромным терпением. Нет смысла срывать незрелый плод, и он будет терпеливо ждать годы, пока тот не созреет. Шапатнекар впервые узнал о Саи Бабе будучи студентом-юристом во время подготовки к сдаче экзаменов.

Он довольно нелюбезно спросил одного из отстающих в занятиях друзей, как тот

рассчитывает сдать экзамены. Друг ответил, что совершенно не волнуется, что пройдет сессию, так как в этом его заверил Саи Баба. Шапатнекар высмеял как своего друга, так и Саи Бабу, заявив, что ничего из этого не выйдет. Друг его на самом деле сдал экзамены, но это не убедило Шапатнекара, усмотревшего в этом только везение. Сам он тоже сдал экзамены, стал юристом, женился и у него родился сын.

Десятью годами позже его сын умер, и у него больше не было детей. Он вспомнил о том, как он высказывался о Саи Бабе, и начал волноваться по этому поводу, полагая, что смерть сына явилась своего рода расплатой. Тогда он решил поехать увидеться со святым и попросить прощения. Саи Баба, однако, накричал на него и прогнал. Он пришел опять, поклонившись стопам Учителя, но снова был изгнан.

Однако год спустя Саи Баба привиделся во сне его жене и пригласил их обоих к себе. На этот раз Шапатнекар был милостиво принят и смог принести извинения за свое презрительное отношение в прошлом. Тогда Саи Баба обратился к кому-то поблизости и рассказал историю жизни Шапатнекара от первого лица, как будто это была его собственная жизнь. Затем, указав на

него, Баба сказал: «Этот человек обвиняет меня в смерти сына, но я сейчас верну ту же душу в чрево его жены».

Когда Шапатнекар собрался уходить, Саи Баба дал ему кокос, приказал завязать его в шаль жены и идти с миром. Год спустя тот привез Саи Бабе новорожденного.

У другого последователя, Л.Дж. Манджа, было несколько детей, но все они умерли в младенчестве. Он отправился к Саи Бабе и, жалуясь на свою несчастную судьбу, попросил одного сына, который будет жить. Баба тут же ответил: «Почему ты просишь одного? Я дам тебе двоих».

И действительно, у него родилось два сына и две дочери.

Но условием, при котором такая милость была возможна, была вера и полное вверение себя Учителю. В случае с Шапатнекаром мы видим, как Саи Баба ждал, пока будет достигнута такая степень преданности. А вот история, где недоставало такой преданности.

Это было в 1910 году. Однажды утром Саи Баба разразился криками: «Зачем этот негодяй едет меня увидеть? Что во мне такого? Я просто голый факир с такими же человеческими органами, как у всех остальных».

Это была одна из тех вспышек гнева, когда никто не знал, к кому это относится. Но немногим позже к мечети подъехала пара экипажей с официальными лицами и сопровождающим их эскортом. Жена местного налогового инспектора давно мечтала о ребенке и думала о том, чтобы попробовать обратиться к творящему чудеса факиру, о котором говорили все индусы. Она приехала в обществе мужа и помощника главы местной администрации.

Они поглядывали по сторонам, чувствуя себя явно не на месте. Такие примитивные условия не подобали членам правящего класса. Сопровождающий их помощник, увидев одного из учеников, дожидавшегося в ярде от мечети, позвал его и попросил обратиться с просьбой к Саи Бабе, чтобы тот поскорее закончил свои утренние дела, так как с ним желают поговорить саибы.

Последователь опешил. Несмотря на то, что речь шла о саибах, он не мог передать эти слова Саи Бабе. Он даже не притворился, что передаст послание, но прямо заявил, что это невозможно. Если у них есть какое-то дело к Саи Бабе, они должны дожидаться, когда ему будет угодно их принять.

Это произошло за полчаса до того, как Баба освободился и вышел. Леди подошла к нему с поклоном и вежливо обратилась: «Мы бы хотели поговорить с Вами, Махарадж».

Саи Бабу, однако, не удовлетворила такая вежливость. Ему была нужна искренняя преданность. Он резко ответил: «Вам придется подождать полчаса, я должен пойти попросить милостыню».

Всю свою жизнь, несмотря на то, что богатство приходило к нему рекой, Саи Баба оставался верен своему обыкновению просить подаяние. В действительности, он посещал только несколько домов, где хозяева считали за честь покормить его. Иногда он посылал от своего имени ученика. Заставить белых саибов дожидаться, пока факир закончит просить пищу, – в этом состоял урок в типичной для Саи Бабы уничижительно-юмористической манере. Им также предоставлялась здесь возможность при желании снять с него необходимость просить милостыню, пожертвовав что-либо.

Он вернулся не через полчаса, а спустя лишь десять минут. Леди снова поклонилась и повторила свою просьбу.

«Подождите еще час», – ответил он.

У правительственных чиновников не оказалось времени. Им также не хотелось, чтобы простой факир выставлял их на посмешище. Они сели в свои экипажи и уехали, а леди осталась бездетной.

Исцеления больных и возможность бездетным обзавестись детьми были самыми распространенными проявлениями Милости Саи Бабы. Но шла ли речь о сдаче экзамена или получении работы, выигрыше судебного дела или устройстве брака, последователи всегда обращались к Бабе, и если их просьбы были исполнены веры и искренности, то в большинстве случаев они находили ответ.

«О Саи Бабе многое могут рассказать просто наблюдатели происходящего со стороны», – объясняет Г.Г. Нарке, профессор геологии строительного колледжа Гимкхана из Деккана, последователь, к которому нам часто придется обращаться за более глубокими размышлениями о феномене Саи Бабы. «Но все те, кто судили о нем со стороны, были далеки от истинного взгляда на него. Конечно, Баба приспосабливал себя к уровню понимания людей, обращавшихся к нему за помощью и защитой. Большинство из них были поверхностны и стремились только к материальным благам, им

он не открывал своей внутренней природы. Но когда появлялся кто-то, кто был способен «нырять глубже», он открывал себя и свои силы больше».

Иногда, совершая чудеса, он говорил: «Я сделаю это». Но чаще его ответом было: «Аллах ачча карега» (Бог все приведет в порядок) или «Аллах малик хаи» (Всем правит Бог). Он имел обыкновение говорить о Боге как о Факире и, отказывая кому-либо в просьбе, часто объяснял это так: «Факир не позволит мне это сделать» или «Я способен делать только то, что приказывает мне Факир».

Часто он и отказывал. Иногда объяснял, что продление жизни больного повлечет только дополнительные страдания. Иногда обещал вернуть его в новом воплощении (теле). Временами, когда его просили благословить рождением ребенка, он мог сказать, что этому человеку судьба не предназначила детей (что не всегда было препятствием, так как, по крайней мере, в одном случае он даровал ребенка, исходя из собственной судьбы, заявив, что просящий не мог рассчитывать на это, исходя из собственной). Он мог вообще не давать объяснения, но просто отказать, сказав:

«Аллах малик хаи» или «Факир не позволит мне этого».

Б.А. Пател сдавал дома внаем и служил налоговым инспектором. С его престарелым отцом случился удар. Пател приехал к Саи Бабе с просьбой об *удхи* для отца, но Саи Баба сказал: «Я не дам тебе *удхи*, Аллах малик хаи».

Тремя днями позже отец Патела скончался.

Пател очень гордился своей физической силой. В 1913 году, когда Саи Баба был уже совсем старым и слабым, Пател часто массировал ему ноги, а затем относил на руках к костру. Однажды, вскоре после смерти отца, он попытался взять Бабу на руки, но не смог сдвинуть ни на дюйм. Баба засмеялся. Пател вспоминает: «Он научил меня двум вещам: не гордиться своей силой и не горевать об отце».

Саи Баба сказал ему: «К чему горевать? Через пять месяцев он вернется». Пять месяцев спустя у Патела родился сын. Это означало, что ребенок был перевоплощением отца, или имело более глубокий смысл, такой, что жизненная сила, принявшая форму, к которой он привязался, сделает это снова, так как ему не удалось покончить с этой привязанностью.

Маленького сына одной женщины укусила кобра, и мать с криками и плачем просила Саи Бабу об *удхи*, но тот его не дал, и ребенок умер.

Х.С. Диксит, один из старейших последователей, взмолился к нему: «Баба, от ее крика сердце разрывается. Оживи ее сына ради меня».

Здесь снова, как и в случае исцеления глаз ребенка луком, примечательно то, что не возникло даже тени сомнения в том, что он мог это сделать.

Саи Баба ответил: «Не вовлекайся в это. То, что случилось – к лучшему. Он вошел в другое тело, в котором сможет сделать особенно хорошую работу, на которую в этом был бы неспособен. Если бы я снова поместил его в это тело, то новому пришлось бы умереть ради этого. Я мог бы сделать это, уступив твоей просьбе, но задумываешься ли ты о последствиях? Представляешь ли себе ответственность и готов ли ее принять?».

Смерть одной формы – это всегда рождение другой, исключение составляют только *Джнани*, полностью просветленные или осознавшие себя Мудрецы, которые превзошли все формы и достигли Бесформенной

Бесконечности, называемой Мокшей, или Нирваной.

У дочери С.Б. Мохайла была заячья губа. Он привез ее к Саи Бабе в надежде, что тот избавит ее от этого недуга. Как только они пришли, Саи Баба сказал: «Я знаю, для чего ты приехал, но это безнадежно. Девочка обладает божественной природой (*дайви*), ее жизнь на Земле будет короткой. В следующем году в день Нагха Шудха Чатурти она умрет. Если ты отправишься в этот день на работу, а не останешься дома, ты ее больше не увидишь».

Так и произошло. Она умерла именно в этот день, тогда как ее отец, проигнорировавший предсказание, находился на работе.

Записан, по крайней мере, один случай, когда Саи Баба тщетно боролся за жизнь. Это был разгул бубонной чумы в деревне Нигодж, заболела жена местного землевладельца Патила. Саи Баба ту ночь провел на постоялом дворе вместе с Махалсапати.

«Не спи сегодня ночью, – предупредил его Саи Баба. – Стой и наблюдай за мной всю ночь, так как я должен молиться Богу. Этот бандит (чума) хочет убить женщину, поэтому я молюсь Аллаху».

Махасалпати всю ночь следил за тем, чтобы Саи Бабе никто не помешал, но под утро приехал один чиновник со своей свитой. Они устроили много шума, крича о том, что он желает *даршана* (беседы) Саи Бабы. Махасалпати пытался их успокоить раздачей *удхи*, но напрасно. Саи Баба выскочил из гостиницы в ярости. Он накричал на Махасалпати: «Разве ты не отец семейства? Разве ты не знаешь, что происходит в Нигодж? Почему ты принимаешь людей в такое время?». Затем вдруг он затих. «Пусть так и будет. Что случилось – так тому и быть».

В то утро жена Патила умерла.

Несмотря на многочисленные милости, которые Саи Баба даровал своим ученикам, как учитель он мог быть очень строг, лишь немногие избежали его побоев или нагоняев. И для наказания даже не требовалось, чтобы эгоистичная мысль выкристаллизовалась в речь или действие, самой мысли было достаточно.

Один последователь рассказывал, как он сидел в мечети, и кто-то принес Бабе в подарок розовые бананы, необычного вкуса сорт, который растет только на определенной высоте в горах. Наблюдая за тем,

как Баба чистит и раздает их, он непроизвольно испугался, что все они закончатся прежде, чем дойдет очередь до него. Саи Баба тут же очистил следующий, отдал его кому-то, а ему бросил кожуру, приказав ее съесть. Ученик безропотно сделал это, приняв как наказание за свою жадность. Саи Бабе это понравилось, и он почистил еще один банан и поделился с ним.

Женщина-мусульманка в *пурдах* (чадре) припала к стопам Саи Бабы, открыв свое лицо. Сидящий рядом ученик увидел, насколько она красива, и с надеждой пожелал, чтобы она открыла свое лицо еще раз. Саи Баба без единого слова вскочил, обернулся и нанес ему удар палкой.

Прокаженный медленно взбирался по ступенькам мечети. Он ужасно выглядел, почти нагой, весь покрытый язвами, издающими запах гниющей плоти. Болезнь повредила его ноги, поэтому казалось, что ему потребуется целая вечность, чтобы приблизиться к Саи Бабе и поклониться. Когда он повернул, чтобы идти назад и наконец сполз по ступенькам, элегантная госпожа Менеджер вздохнула с облегчением. Саи Баба же послал за прокаженным ученика, чтобы его позвали назад. Снова медленное карабканье по лестнице,

ковыляние, отвратительная вонь. На этот раз, когда он распростерся перед Саи Бабой, тот взял грязный узелок, с которым ходил этот несчастный, и открыл его. Молочные сладости! Хорошо! Баба взял один кусочек и из всех присутствующих дал только госпоже Менеджер. Ее преданность Бабе была такова, что она съела его без возражений.

Одним из испытаний веры для последователей было то, что им не разрешалось покинуть Ширди в запланированный день. Как и у любого другого Гуру, здесь было заведено спрашивать разрешения уехать, но Баба не всегда его давал. Если отпуск ученика заканчивался или у него было какое-то дело или другие встречи, это могло быть очень неудобно. Однако никто от этого никогда не пострадал. Каким-то образом дела устраивались без всякого вреда для приезжающих, но требовалась большая вера, чтобы не сомневаться в этом заранее.

Х.В. Сат рассказал типичный случай. Он служил в департаменте вместе с налоговым инспектором и его помощником, о которых мы уже говорили. Они должны были встретиться в Манмаде и поехать с инспекцией по району. Накануне Сат

послал своего тестя к Саи Бабе, чтобы попросить разрешения уехать. Но Саи Баба отказал. Сат сказал тестю, что не может пренебрегать важными административными обязанностями, иначе совсем лишится правительственной службы. Старик снова пошел просить разрешения на отъезд, а Саи Баба опять отказал и даже приказал закрыть Сата в его комнате, если он попытается уехать.

Только тремя днями спустя ему было позволено уехать в Манмад. По приезде туда он обнаружил, что другие члены комитета изменили программу поездки и отложили встречу. В связи со своими первоначальными планами Сат распорядился, чтобы в Манмад выслали палатку и другое снаряжение, но в силу странного стечения обстоятельств ничего сделано не было. «Таким образом, я ничего не потерял, задержавшись в Ширди, разве что покой ума, избежал уймы лишних хлопот и смог провести больше времени со своей семьей и Саи Бабой. Конечно, Саи Баба знал об этом и все так устроил, но из-за своего невежества я чувствовал себя очень беспокойно в Ширди. Такие случаи укрепляют нашу веру в Саи Бабу, в то, что мы всегда можем на него положиться».

Можно добавить, что, если бы его вера была сильнее, он сохранил бы спокойствие.

Оставаться в Ширди, когда так велел Саи Баба, было безопасно, а вот отъезд без разрешения мог навлечь неприятности. Это иллюстрирует следующий случай с Абдуром Рахимом Шамсуддином Рангари, мусульманским последователем.

«В 1913 году в Тхане, где я жил, а также в Ширди была эпидемия чумы. Моя жена страдала от какой-то болезни уже месяц. У нее воспалилось горло и небо, и она не могла ничего есть. Лекарства, которые она принимала, не помогали. Сосед-индус, Р.Г. Гупта, юрист, посоветовал мне отвезти ее для исцеления к Саи Бабе в Ширди.

Когда мы выехали, она не могла ничего глотать, а к тому времени, когда мы достигли Игатпури, она уже могла пить чай, а в Насике что-то съесть. Это было хорошим знаком. Она быстро поправлялась. Приехав в Ширди, я направился в мечеть, где простерся перед Саи Бабой. Он спросил меня на хиндустани, откуда я, зачем приехал, и велел мне привести в мечеть жену.

Я повел ее по лестнице вверх, и она поклонилась Бабе. Баба положил руку на ее

голову и сказал: «*Кхуда ачча карега*» (Бог это исправит). Я дал ему одну рупию, четыре анны, без просьбы с его стороны, и он принял деньги и дал мне *удхи*. Мы провели в Ширди два часа. Опухоль жены быстро уменьшалась, поэтому мы сразу отправились в обратный путь, не получив разрешения Саи Бабы. Он сказал мне остаться, но так как исцеление было очевидным, я подумал, что нам можно ехать. Мне не хотелось оставаться в незнакомом месте дольше, чем требовалось, особенно с женой и двухлетним сыном.

Тонга (повозка), на которой мы приехали, все еще находилась в деревне, поэтому мы воспользовались ею, чтобы ехать в Копергаон в шести милях от Ширди. Где-то на полпути у тонги сломалась ось, и мы застряли посреди дороги. Было около десяти часов вечера, и вокруг не было другого транспорта. Мы не могли пройти ночью такое расстояние ни вперед, ни назад. Дорога была пустынной, и нам неизбежно грозила опасность быть застигнутыми непогодой или встретить разбойников, промышляющих грабежами на дорогах. Сейчас мы сожалели о том, что пренебрегли словами Саи Бабы.

Так прошло два часа, а затем мы услышали скрип приближающейся повозки. Раздался крик: «Кто здесь из Тханы?» К нам подъехала *тонга*, и, когда я увидел, что вопрос задает возница, я ответил, что это мы из Тханы, затем спросил его, как он узнал о том, что с нами случилось, и почему он приехал сюда в такой час. Он сказал, что его прислал Саи Баба.

«Зачем?» – спросил я.

«Привезти вас», – ответил он.

Итак, мы сели в *тонгу* и отправились обратно в Ширди. Уже было около часа или двух ночи, когда мы, наконец, туда приехали. Баба ждал нас в мечети. Он встретил нас словами: «Вы уехали без разрешения, поэтому с вами и произошла эта неприятность».

Я признался в том, что ослушался и попросил его прощения. Он велел нам оставаться в мечети на всю ночь, сам в это время пребывал в медитации. Утром он отправился просить подаяние и вернулся с хлебом и овощами, взял себе немного, а остальное отдал нам. Моя жена смогла съесть твердую пищу. Потом Баба позволил нам уехать. Это было мое единственное посещение Ширди, но оно вселило в меня полную веру в Саи Бабу».

Все эти знаки и чудеса привлекали людей, но постоянные последователи стремились к духовным благам. За этим им необязательно было всегда ездить в Ширди. Саи Баба, бывало, говорил им: «Я не ограничен этим телом или Ширди, я повсюду, я с вами в любой момент, когда вы обо мне подумаете».

Физически он никогда не покидал Ширди. Один ученик рассказывает о том, как накануне его свадьбы его отец умолял Саи Бабу приехать на церемонию. Он ответил: «Никогда не бойтесь, я с вами. Где бы вы ни были, если вы думаете обо мне, я с вами». Когда отец попытался настаивать, Баба сказал: «Без позволения Бога я ничего не смогу сделать».

Духовное развитие было реальным его даром. Рао Сахиб И.Дж. Галванкар, которого мы уже цитировали в этой связи, рассказывает: «Когда он положил свою руку мне на голову, это возымело на меня необычайное действие. Я забыл себя и все вокруг и пребывал в экстатическом состоянии... После этого переживания я стал придавать больше значения духовной стороне жизни. Затем в 1932 году (т. е. спустя четырнадцать лет после смерти Саи

Бабы. – *Прим. авт.*), когда Баба явился ко мне во сне и спросил меня, чего я хочу, я ответил, что хочу *Премы* (Божественной Любви) и только *Премы*. Баба благословил меня и исчез. С тех пор каждый раз в медитации или даже когда я просто читал или занимался чем-то, я чувствовал, как из меня изливаются потоки *Премы*».

Для того чтобы уравновесить впечатление от чудес внешнего характера и эксцентрических переживаний, закончим эту главу, как и в ее начале, рассказом о Саи Бабе его ученика, на этот раз Рао Бахадура С.Б. Дхумала, брамина и адвоката.

«Мне трудно ответить на вопрос о том, каков мой опыт переживания Саи Бабы, так как я ощущаю его присутствие в любое время дня и ночи. Нет ни одного события в моей жизни, которое бы я не ассоциировал с ним, пусть даже самого незначительного. Я твердо верю, что Баба управляет всем в моей жизни. Тогда о чем я должен говорить как об опыте переживания его? Конечно, мир вокруг не способен разделить мою веру, но это не имеет для меня значения. По сути, сам факт неверия людей кажется веским основанием для отказа открыть свои чувства. Каждый

последователь рассматривает свои переживания как личные, данные ему для его духовного и сиюминутного блага, а не для вынесения на публику... Лучшим способом понимания Бабы является опыт собственного его постижения. Куда ушел Баба? Он все еще жив и действует, действует еще более активно, как это возможно, более активно, чем до того, каким он был накануне своего *Махасамадхи* (погружения в Нирвану). Любой, кто искренен, может войти с ним в контакт сегодня и мгновенно. Но те, кто этого не делают, но довольствуются переживаниями из вторых и третьих рук, обретут немного».



Глава 3

ИНДУИЗМ И ИСЛАМ

Саи Баба временами говорил о себе как о перевоплощении Кабира, поэта, святого конца XV – начала XVI веков, у которого были ученики как индусы, так и мусульмане и который обучал их, прибегая к понятиям их собственной религии. Саи Баба делал то же. Его поведение не сводилось к чему-то одному. Он избрал мечеть Ширди своим прибежищем и часто называл Бога исламским именем. Слышали, как он повторял мусульманские, а не индуистские мантры и священные фразы. Но он очень редко произносил ежедневные ритуальные исламские молитвы. Некоторые его последователи никогда не видели его за этим занятием, другие говорят, что он делал это иногда по субботам или в каких-то особых случаях. Почему по субботам – одна из загадок Саи Бабы, так как днем общих

молитв для мусульман является пятница. Он был вегетарианцем, как и его последователи-индусы, и они поклонялись ему в своей индуистской манере. Он часто ссылался также на своего Гуру-индуса, индуистские писания и богов (т. е. формы и аспекты Бога).

Однако он не поощрял смешения двух путей своими последователями. Он только ожидал от них проявления терпимости и доброй воли. Хотя он и не совершал *намаза* (дневных молитв), он требовал этого от своих учеников-мусульман. А также, так как обе религии ценны, он не одобрял перехода из одной в другую, но ожидал от каждого человека, что он будет следовать той, в которой вырос. Один индус, обратившийся в ислам, пришел в мечеть, и Саи Баба дал ему пощечину, воскликнув: «Итак, ты обрел нового отца!».

Ему нравилось, когда в качестве проявления доброй воли его индуистские и мусульманские ученики вместе отмечали праздники друг друга (таков был давний обычай Индии), хотя, конечно, не принимая участия в поклонении. Так, например, последователь-индус рассказывает о том, как на годовщину Шри Рамы устраивались торжественные процессии, после чего

индусы распевали священные гимны в сочетании с чтением мусульманами Корана.

Даже помимо каких-то особых наставлений просто влияние присутствия Саи Бабы вело к хорошим отношениям и веротерпимости. Это демонстрирует следующая история мусульманина по имени Абдулла.

«Я покинул свой родной город Тарбеллу, когда был еще мальчиком. У меня не было никого, кто бы заботился обо мне. Я хотел поехать за границу, чтобы увидеть Мекку и другие места. Так я отправился в путешествие на юг и достиг Манмада, где мне встретился кто-то, проявивший ко мне интерес, и рассказал мне, что я легко могу добраться до Бомбея, а оттуда морем в Мекку. Кто-то еще, однако, посоветовал мне посетить великого человека по имени Саи Баба из Ширди, который осыпает факиров деньгами и отправит меня в Мекку, если я так хочу. В общем, я поехал в Ширди.

Когда я вошел в ворота мечети, Саи Баба оказался тут же передо мной. Он посмотрел на меня, и я мгновенно почувствовал, что он и есть мой Гуру. Я остался в Ширди. Меня и других факиров хорошо кормили, и я решил не покидать Ширди, так как жить там было легко.

Это был 1913 год, а я был очень молод и еще не воспринимал жизнь серьезно. Несмотря на это, мое пребывание с Саи Бабой значительно изменило мои взгляды. Поначалу я смотрел на индусов в Ширди как на своих врагов, но, когда я провел с Саи Бабой около трех лет, это чувство враждебности исчезло, и я начал считать их своими братьями».

Конечно, такие хорошие отношения и понимание наблюдались не всегда. Для мусульман камнем преткновения был индуистский ритуал поклонения Саи Бабе и совершение этого обряда в мечети, казалось, подливало масло в огонь.

Ислам исповедует ту точку зрения, что следует поклоняться только Богу, и что вся Вселенная была сотворена Им из ничего, и что все люди по сравнению с ним ничто. Индуизм же рассматривает Вселенную со всеми ее существами как определенную форму, принимаемую Богом, т. е. как Его проявление, при этом Его непроявленная реальность остается неизменной. Таким образом, утверждения, что Бог создал Вселенную из ничего или что Вселенная есть ничто иное, как иллюзия, скрывающая Реальность Бога, представляют собой одно и то же. Эти две точки зрения являются,

таким образом, двумя аспектами одной истины, разными способами выражения одного и того же. Так как человек не обладает никакой иной реальностью, помимо той, что дана ему Богом, его сутью, его реальностью может быть только та Реальность, кроме которой нет ничего, т. е. Бог. Осознав то, что его индивидуальности как таковой не существует, т. е. она существует, но она ничто по сравнению с Богом (то, что в средневековом христианстве называлось «самоуничижение») человек осознает универсальность своей Божественной Сути. Следовательно, тот, кто осознал свое истинное «Я» (что не имеет отношения к психологии, но превосходит ум, и идет к самой сути Существования, и, несомненно, является истинным значением максимы дельфийского оракула «Познай Себя»), осознал свое основополагающее Единство с Богом («Я и Отец мой – одно»), лежащее вне различия формы. Понимая это, индусы поклоняются такому человеку как Богу. Большинство мусульман же, придерживаясь буквы закона, осуждают такое поклонение как идолопоклонничество. В действительности, это не так, это поклонение только Богу, более того, оно является признанием того, что тот, кому поклоняются,

разрушил иллюзию отдельности от Бога, ту иллюзию, что все еще довлеет над тем, кто поклоняется.

Все это хорошо понимают суфии, составляющие духовную элиту ислама, к их числу принадлежат великие мусульманские святые. Тайно они обучают тому, что индуизм проповедует открыто. Но мусульмане не понимают эзотерики. Для них, определенно, существует пропасть между этими двумя точками зрения; они воспринимают индусов как язычников и идолопоклонников. Суфийский поэт Ал Халладж, будучи в экстатическом состоянии, восклицал: «Ан' аль Хак» – «Я есть Истина». «Истина» – это божественное имя, за что с ним расправились на основании закона ислама, хотя суфии поняли, что он имел в виду, и продолжают почитать его до сих пор. Другой суфий, Абу Саид, обошел закон, выразив свою мысль в отрицательной форме: «Под этим платьем нет ничего, что не было бы Аллахом». Распространенная суфийская фраза, используемая по сей день, звучит так: «Я прошу прощения Бога за все во мне, что не является Богом».

Поклонение Саи Бабе индуистским способом началось в 1900 года, когда его

начал так почитать ребенок. Об этом рассказывает одна женщина-индуска. «Мой брат Бапу Рао, тогда малыш четырех лет, приходил каждое утро, чтобы положить цветок на голову Саи Бабы и совершить ритуал поклонения. Это послужило началом регулярных ритуалов в честь Саи Бабы, так как до этого он никому не разрешал этого делать».

Ребенок просто стал поклоняться Саи Бабе, увидев, как это делают со статуями богов в храмах. С тех пор эта практика переросла в полную ритуальную церемонию Бабе точно таким же образом, как статуям божеств. Интеллигентный индус верит в то, что изображение – это Бог, не больше, чем истинный католик принимает за Бога икону или статую святого. Немногие люди способны постичь Бесформенный Абсолют (способны ли на это критики идолопоклонства?), и обычный индус облегчает себе задачу богопочитания концентрацией на проявлении Бога в определенной форме или аспекте, олицетворяемом каким-то изображением или статуей. В свое время это может привести его к осознанию Бесформенного в этой жизни или в следующей. В Гите говорится: «Какую бы форму Бога человек ни прославлял, в действительности он

прославляет Меня». Точно так же, как проводят ритуальное поклонение с цветами и сандаловой пастой перед изображением божества, поклоняются и тому, кого почитают больше святого. Его почитают как осознавшего свою идентичность с Высшим и, следовательно, являющегося сознательным проявление Бога.

Не все мусульмане в Ширди могли оценить это правильно, особенно когда такой ритуал проводился в мечети. В результате число индуистских последователей во много раз превысило количество мусульман. Иногда мусульмане пытались протестовать. Один из них, уроженец Рохиллы, постоянно сидевший у ног Саи Бабы и читавший вечерами Коран, выступил против проведения индуистского обряда с его музыкой в мечети. Баба только улыбнулся и сказал: «Все это Аллах».

Совершенно сбитый этим с толку, бедняга посчитал, что Саи Баба, таким образом, предал ислам и решил отомстить. Однажды, когда Баба шел по улице, тот подошел к нему сзади с дубиной, намереваясь нанести удар. Саи Баба обернулся как раз в этот момент, дотронулся до его левого запястья и посмотрел на него. Под силой взгляда Бабы он медленно опустился

на землю, не в силах поднять дубинку или встать. Кто-то подошел, чтобы помочь ему подняться. Спустя несколько дней он пришел за разрешением Саи Бабы покинуть Ширди и, получив благословение, уехал навсегда.

В другом случае один мусульманский последователь, Мир Джаман, вскочил однажды вечером и, вытянув из ножен саблю, воскликнул, что индусы портят Саи Бабу своим поклонением, и попросил разрешения расправиться с ними. Саи Баба утихомирил его словами: «Это я – сумасшедший, и я ответственен за то, что они мне поклоняются, поэтому если ты хочешь перерезать кому-то горло, ты должен начать с меня».

Индусам веротерпимость свойственна больше. Сама их религия включает много форм доктрин и путей к Богу. Здесь нет конфликтов, подобных мусульманским или христианским сектам, но признается то, что все направления имеют право на существование и рассчитаны на различные характеры или уровни понимания. Поэтому им легче принять пути и методы других религий. Индуистские последователи поклонялись Богочеловеку в Саи Бабе, а если мусульмане этого не признавали, то это

была их проблема. Конечно, встречались не только фанатичные мусульмане, но и индусы, однако их фанатизм проявлялся не в такой резкой форме. Он вредил только им, выражаясь просто в отказе поклоняться «мусульманскому» Гуру. Мы уже приводили случаи, связанные с подобными предубеждениями и тем, как они преодолевались. Следующая история, подобная той, что рассказывает о мусульманине Абдулле, демонстрирует безмолвное влияние Саи Бабы.

Помощник налогового инспектора Х.В. Сатхе встретил очень набожного, но не искушенного в философских вопросах брамина по имени Мегха. Сат хе принял в нем участие, обучил его *мантрам* и послал в одну шиваитскую миссию. Спустя какое-то время он сказал брамину, что Баба является воплощением Шивы и что ему следует поехать на поклонение в Ширди. Мегх, однако, услышал на железнодорожном вокзале, что Баба – мусульманин, и испугавшись, что ему придется поклоняться мусульманину, попросил разрешения туда не ехать. Сат настоял на своем, тот неохотно повиновался и отправился в путь.

Не успели они подойти к мечети, как Саи Баба сердито закричал: «Гоните этого негодяя!» и прогнал брамина. Он также

гневно накинулся на Сата за то, что тот привез такого ограниченного человека.

Вот внешние события этой истории, но внутри влияние Саи Бабы начало действовать. Прошло около года, и Мегх действительно почувствовал потребность приехать в Ширди, и на этот раз его не прогнали по приезде, но позволили войти в мечеть и остаться. Как и в случае с Абдуллой, внутренняя перемена в нем произошла без каких-либо словесных наставлений. Он служил Саи Бабе, проводил днем ритуалы поклонения, а когда умер, Саи Баба сказал о нем: «Он был моим настоящим учеником».

Число индусов все росло и росло. Они даже обновили здание мечети. Когда Саи Баба впервые там поселился, это было грязное строение из трех стен восьми футов высотой и четырех длиной, с восточной стороны открытое ветру и дождю. Половина крыши обвалилась, а вторая провисла и угрожала вот-вот обрушиться.

Саи Бабу невозможно было уговорить поселиться где-нибудь в другом месте, хотя его последователи с радостью построили бы ему дом или храм. Поэтому они решили отстроить мечеть заново. Они несколько раз спрашивали его разрешения, но он

отказывался. В конце концов один из учеников, Г.Р. Гунду, налоговый инспектор, который по милости Саи Бабы смог обрести сына, привез несколько телег камней и выгрузил их перед мечетью, заявив, что собирается начать работы. Саи Баба сказал ему собрать камни и использовать их для ремонта местных индуистских храмов, но тот стоял на своем. В конечном счете Баба уступил уговорам, и работа началась. Даже тогда Баба все время вмешивался и велел разрушить то, что уже было построено. Только ночью, и то не каждую, можно было спокойно продолжать работы. Баба имел обыкновение чередовать ночлег в мечети с местной гостиницей, и именно в то время, когда его не было в мечети, можно было продолжать строительство. Он настоял на характерном исламской стиле с минаретами и альковом в западной стене (той, что обращена к Мекке), а также особых ступеньках для ламп. Однако он также распорядился о том, чтобы там был *дхуни* (очаг) или место, где постоянно горел огонь, устроив напротив сидение для себя с низкой балюстрадой, на которую мог опираться. Таким образом, стиль мечети представлял собой смесь ортодоксальных элементов с разного вида новшествами. Он часто

говорил о мечети как о «браминской», что необязательно означало «индусская», так как он использовал слово «брамин» в его правильном значении «избранника Бога».

В центре двора перед мечетью был сооружен «Туласи Бриндаван», т. е. каменная ограда трех футов высотой для дерева туласи, священного для индусов. Вокруг него совершают традиционный обход. Внутри мечети лежали камни-жернова, и Саи Баба подолгу работал, перемалывая зерно в муку. Казалось, это представляло одно из его занятий, имеющих символический смысл, хотя он пек нечто вроде лепешек из этой муки и раздавал всем вокруг.

В мечети или рядом с нею он также держал глиняные горшки, из которых разливал воду, о чем уже шла речь в предыдущей главе, а также те, в которых хранил пищу, что подавали ему люди. Эти горшки стояли снаружи мечети, и женщине, приходившей подметать двор (из самой низшей касты), разрешалось брать оттуда все, что ей нравится, еще до того, как он начинал есть. То же самое распространялось на птиц и животных.



Глава 4

СИМВОЛЫ И СИЛЫ

Символизм не является изобретением какой-либо религии или Учителя, но признанием соответствий, действительно существующих между физической Вселенной и духовной Реальностью. Этот мир, по сути, представляет собой отражение высшей реальности, поэтому символы должны быть просто осознаны, нет необходимости их изобретать. В этом заключается значение афоризма Гермеса Трисмегиста «что вверху, то и внизу». Когда Христос говорит о человеке, рожденном вновь, или Церковь упоминает о «невесте Христа», символизм настолько очевиден, что не требует объяснений. В Коране сказано: «В творении Небес и Земли, и в смене дня ночи, и в кораблях, бороздящих на пользу человеку океаны, и в дожде, который Бог посылает с неба, оживляя бесплодную землю, и в его

проявлении во всех живых тварях, и в движении ветра и облаков между небом и землей – во всем этом есть знаки для людей, которые их понимают» (том 164, глава II). Возьмем, к примеру, один фрагмент этого отрывка: поток дождя на бесплодную землю равнозначен нисхождению Милости в опустошенное сердце, пробуждение стремлений к духовной жизни.

На прямом пути Адвайты символизм используется меньше, так как Вселенная скорее отрицается, чем интерпретируется, но ее существование признается. Другим путям символизм присущ гораздо в большей степени.

Несмотря на то, что все Учителя используют символы, можно отметить, что Саи Баба был особенно к этому склонен. Его учению было свойственно нечто тайное и мистическое. Он открыто одаривал мирскими благами, совершая различные чудеса, но его духовное руководство носило более сокровенный характер. Как уже упоминалось в предыдущих главах, он часто обучал действиями там, где другие – словами. Например, если Христос говорил: «Так, как вы поступаете по отношению к другим, вы в той же степени делаете мне», то Саи Баба не говорил, но проявлял в действии.

Одна женщина попросила его прийти к ней на обед, и он согласился. Вполне понятно, что она приготовила особые блюда со всей любовью и старанием, на какие только была способна. И когда все уже было готово, она в ужасе закричала, увидев, что забежала бродячая собака и готова наброситься наеду. Но она успела ее отогнать, и пошла звать Бабу. «Нет, – сказал тот, ты меня прогнала, когда я хотел есть, сейчас я уже не хочу».

Даже о самых простых вещах он говорил символично. Одна дама описывает свое первое посещение Бабы, когда ей было около восемнадцати лет. Кто-то из последователей уронил свои очки, и она наклонилась, чтобы их поднять. При этом кто-то заметил, что, так как они унали к ногам Саи Бабы, их нужно отдать ему. Тот тут же возразил: «Мне не нужны очки. У меня они есть и стоят сорок рупий».

Всем было хорошо известно, что он не носил очки. Женщина, рассказавшая эту историю, была очень озадачена до тех пор, пока ее отец не объяснил ей, что под очками имелось в виду ви́дение или самопознание, а сорок рупий означали сорок лет, что прошли с тех пор, как Саи Баба достиг осознания своей истинной сущности. Он

также часто говорил символично, исцеляя приходивших к нему, или как в случае, когда он дал ученику четыре манго для рождения детей, а затем еще более углубил мистическое значение ситуации, сказав: «Съешь и умри».

Однажды Дешпанде, о котором уже шла здесь речь, укусила змея, и он в ужасе прибежал прямо в мечеть. Не успел он взобраться по ступенькам мечети, Баба крикнул: «Не подходи, брамин! Возвращайся!» Даже под страхом смерти тот не посмел ослушаться Саи Бабу, но стоял, молча умоляя о помощи. Мгновение спустя Баба снова заговорил, на этот раз мягким тоном: «Теперь Факир милостив к тебе. Ты поправишься».

Как мы уже объясняли, под «Факиром» Саи Баба имел в виду Бога. Теперь Дешпанду стало ясно, что команда Бабы относилась не к нему, но к попавшему в кровь яду.

Иногда Баба использовал притчи, оставляя за последователями поиски ответа на вопросы.

«Пришли грабители и забрали мои деньги. Я ничего не сказал, но тихо последовал за ними, убил их и таким образом вернул свои деньги». Деньги – это способности,

естественно присущие человеку в состоянии чистоты, в Первочеловеке или Адаме до его грехопадения, грабители – это желания, их убийство и возврат богатства есть уничтожение желаний и осознание Себя.

«У человека была очень хорошая лошадь, но что бы он ни делал, она ни за что не давала запрячь себя в упряжку. Один знаток лошадей посоветовал отвести ее туда, откуда она пришла. Хозяин лошади так и поступил и лошадь стала покорной». Лошадь – это эго, оно полезно в плане управления физическими и ментальными силами человека, но если оно своевольно, то причиняет бесконечные неприятности. Вернуть его обратно в источник – значит погрузить снова в Дух, или истинное «Я», откуда оно произошло. Это равнозначно словам Христа о том, что человек должен вернуться в чрево матери и родиться заново или загадочному указанию Бхагавана Раманы Махарши тому, кто спрашивал о пути: «Иди, откуда пришел». Именно возврат в Источник очищает и просветляет. Вернувшись оттуда снова, эго уже не эго, но сознательный инструмент Духа.

Одной женщине-ученице он сказал: «На небе туча. Пойдет дождь. Семена про-

растут и созреют, тогда тучи рассеются. Не надо бояться!»

Туча на небе – это присущее ей на тот момент затемненное неведением состояние сознания. Дождь – те лишения и трудности, через которые ей придется пройти, но также и божественная Милость, благодаря которой созреют семена духовности в ее сердце. О существовании этих семян она и не догадывается в этом угнетенном состоянии. Ясное небо означает, что, когда семена созреют, она достигнет света и блаженства.

Саи Баба часто делал двусмысленные замечания, которые могли показаться бессмысленными для тех, кто не понимал истинного их значения. Кто-то захотел его сфотографировать, на что он ответил: «Нет, он не должен фотографировать. Достаточно разрушить стену». Бессмыслица? Фотография означает быть таким, как Саи Баба, а стена – это представление о себе, как о теле, что отделяет человека от Духа. Достаточно покончить с этим неведением и тогда появиться реальное осознание себя не телом, но Духом.

Другой особенностью Саи Бабы было то, что, вместо прямого ответа на вопрос, он мог иногда переадресовать его кому-то другому или дать непрямой ответ. О таком

случае рассказывает Мадхава Буа. Сидя рядом с Саи Бабой, он захотел, чтобы Учитель объяснил ему природу того, кто превосходит все касты, или естественные различия между людьми. Баба неожиданно повернулся к нему и наказал ему пойти и прочитать Писание вместе с Дикшитом. Тот так и сделал и нашел Дикшита за чтением отрывка, содержащего как раз объяснение того, что требовалось. Еще ряд последователей рассказывают похожие истории о том, как Баба направлял их к разным людям, читавшим или объяснявшим то, что было важно для них.

В других случаях его наставления были неявны. Профессор Нарке говорит: «Он мог передавать информацию особым способом конкретным людям из числа присутствующих так, чтобы это было понятно только им. Удивительно, но он действительно мог помочь за один раз многим людям немногими словами или действиями».

Конечно, все сказанное относится не только к Саи Бабе. В присутствии Духовного Учителя обязательно открывается смысл мироздания и имеют место различные важные события. Однако в случае с Саи Бабой все представлялось еще более живым и наглядным.

Профессор Нарк рассказывает: «Для тех, кто наблюдал его близко, все более явным становилось то, что Баба жил и действовал и в других мирах, помимо этого, а также будучи в невидимом теле. Для тех, кто не знал его, сделанные им публично замечания могли показаться лишенными какого-либо смысла. Язык его, исполненный символов, притч, аллегорий и метафор, был в высшей степени таинственен».

Мы располагаем достаточным количеством примеров такой его речи. Если кто-то просил разрешения его сфотографировать и получал ответ «разрушить стену», то вероятнее всего, мог подумать, что все это пустословие. То же относится и к проявлению его особых способностей. Профессор Нарк далеко не единственный, кто придерживался того мнения, что Саи Баба располагал способностью направлять умерших так же, как живых. Были и те, кто верил, что он принадлежал к тайной духовной иерархии и свободно путешествовал в тонком теле. Деревенский учитель, что жил в маленьком помещении школы прямо за мечетью, рассказывал о том, что часто слышал разговоры в мечети не только на других индийских наречиях, но и на английском языке, которым Саи Баба не владел.

Физически он никогда не покидал Ширди, однако, когда кто-то из учеников просил его посетить их дома, он мог ответить: «Да, я поеду с вами, для путешествия мне не нужен поезд».

Снова процитируем профессора: «Баба часто упоминал о своих путешествиях на большие расстояния в пространстве и во времени. Утром, сидя возле костра с учениками, он, бывало, рассказывал, в каком отдаленном месте он побывал накануне ночью и что он там делал. Те, кто спали рядом с ним в мечети или на постоялом дворе всю ночь, знали, что его физическое тело оставалось в Ширди. Но его утверждения имели буквальный смысл, иногда их проверяли и убеждались в истинности произошедшего... Эта способность к перемещению в невидимом теле на большие расстояния, к путешествиям в другие миры, помимо Земли, и способность в этих мирах управлять происходящим, а также видеть как прошлое, так и будущее, открывали великую тайну его природы. Это демонстрируют и некоторые из его собственных замечаний. Я слышал, как он говорил: «Где я? Где этот мир?». Я видел, как он показывал на свое тело и утверждал: «Это мой дом. Меня здесь нет. Меня забрал мой Гуру».

Если даже при жизни он не был ограничен физическим телом, то можно утверждать, что он действительно жив. Он там, где был, и даже тогда он был там же, где сейчас... Саи Баба никогда не лгал, никогда не бросал слов на ветер, но только те, кто хорошо его знал, могли понять значение его слов или поступков, тогда, когда это предназначалось для их понимания».

А теперь два примера путешествий Саи Бабы, достоверность которых может быть проверена.

Одна ученица, рассказывая следующую историю, была настолько переполнена эмоциями, что не могла сдержать слез. «Баба был в высшей степени добр ко мне. Мой муж так и не поехал с ним повидаться, но даже к нему он был очень великодушен. Мой муж был инженером и в 1909 году работал на строительстве моста в Пандхарпуре. Пока он был там, я поехала в Ширди к Бабе и осталась, чтобы прислуживать ему. Однажды Баба сказал, что мне лучше поехать в Пандхарпур. Он велел мне тут же отправляться и добавил, что поедет со мной и что путешествие не составит для него никакого труда. Итак, я отправилась в путь. Я не знала, что случилось. Приехав, я обнаружила, что моего мужа там

4*

не было. Он уволился и уехал в Бомбей. Это было для меня абсолютной неожиданностью, и я очень расстроилась. При мне было двое сопровождающих и совсем немного рупий. Этой суммы хватало только до Курдвади, поэтому я туда и поехала. Все эти обстоятельства меня ужасно взволновали и огорчили. Внезапно передо мной появился факир и спросил, что меня беспокоит, но я не ответила. Он сообщил мне, что мой муж в Дхонде и что я со своими двумя людьми должна срочно ехать туда. Я спросила его, где мне взять деньги на поезд, и он тут же вручил мне три билета до Дхонды, а затем удалился. Я вместе с сопровождающими села на поезд до Дхонды.

Тем временем мой муж попивал чай в Дхонде в состоянии полугрез или полусна, когда перед ним появился факир и спросил: «Почему ты пренебрегаешь моей матерью? Она едет сюда поездом в таком-то вагоне».

Тот вскочил и от удивления воскликнул: «Кто ты такой, чтобы помыкать мною?» Но факир уже исчез. Когда я сошла с поезда, мой муж ждал меня на платформе. Он отвез меня в наш новый дом, где рассказал мне о появлении факира

и попросил показать фотографию Саи Бабы. По ней он опознал в факире Саи Бабу.

А теперь другая такая история, на этот раз рассказанная С.Б. Начне.

«В 1909 году произошли некоторые события, которые, казалось, не имели никакого отношения к Саи Бабе. Моему старшему брату предстояла операция в больнице Баджекар в Бомбее, и мы все были этим обеспокоены. Я жил в то время в Дахану. В день, назначенный для операции, к нашему дому пришел *садху* (слова «факир» или «*садху*» означают религиозного странника, первый термин мусульманский, второй скорее индуистский) и попросил у меня кусочек хлеба. Мы пригласили его в дом и накормили обедом. Моя золовка предложила ему все приготовленные блюда, за исключением «дамских пальчиков» (индийский овощ), которые она посчитала недостаточно хорошими для почтенного святого гостя. Однако *садху* сам попросил их, и их тоже подали. Перед уходом он нас всех благословил и сказал, что операция прошла успешно.

В тот же день мой друг Х.М. Панс сказал мне, что надеется, что по милости Саи Бабы операция пройдет благополучно. Вот так я впервые услышал имя Саи Бабы.

Позже к вечеру мой отец вернулся из больницы домой, и от него мы узнали, что операция прошла хорошо, и у брата не возникло никаких осложнений. После операции явился *садху* и, приблизившись к больному, провел руками над той частью тела, что была прооперирована, а затем над всем телом, и сказал, что все будет в порядке.

Мой брат полностью поправился.

В 1912 году я впервые приехал в Ширди... За время моего пребывания там Саи Баба выказал большой интерес ко мне и моей семье. В присутствии Диксита, Джога и Даболкара (трех старших учеников) он, указав на меня, сказал: «Я пришел в дом этого человека, а он не дал мне «дамских пальчиков».

Мне срезу припомнился *садху*, отобедавший с нами в то время, когда оперировали брата, и я поверил в то, что Саи Баба был заинтересован в нашем благополучии и помогал нам еще с 1909 году, когда мы и не подозревали об этом. Я рассказал последователям Бабы о случае с «дамскими пальчиками». *Садху* внешне был непохож на Саи Бабу. Я видел его на протяжении двух-трех дней после операции и довольно близко. Затем он покинул Дахану, и его никогда больше не видели».

Как нам следует понимать эти случаи? Действительно ли Саи Баба являлся в форме факиров и *садху* или просто влиял на них на расстоянии с тем, чтобы они действовали по его воле? Важно отметить, что тем, кто знал его, он обычно являлся в незнакомой форме, тогда как к тем, кто его ранее не видел, он чаще приходил в собственном теле, как будто не считая необходимостью дополнительные усилия по перевоплощению. Хотя в некоторых случаях (об одном из них рассказывалось в этой книге), тем, кто его знал, он являлся как есть, в собственном теле.

Но, если он принимал форму неизвестных факиров, не перевоплотился ли он в собаку, которую отогнали от пищи? Нет необходимости это доказывать. Возможно, он просто знал о том, что происходит, и говорил в своей особой манере: «То, что вы делаете для бродячего пса, вы делаете для меня».

Вот еще одна история, связанная с животными, которой не так легко найти объяснение. Один последователь-брамин пожаловался на расстройство пищеварения, и Саи Баба приказал ему прекратить есть кислый *керд*, популярное индийское блюда (наподобие кефира). Этот последователь,

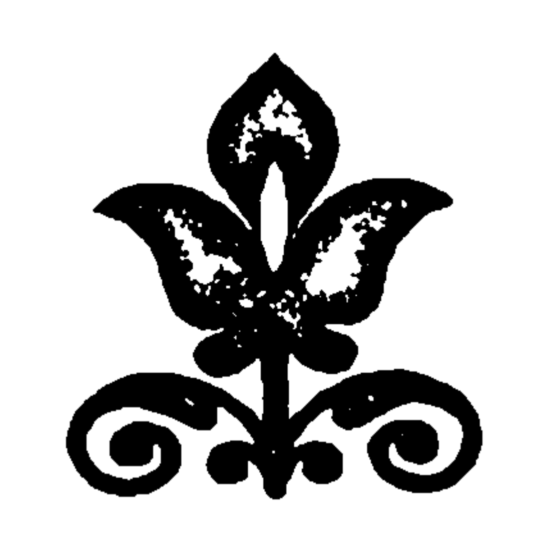
однако, не смог отказать себе в этом, он продолжал наслаждаться *кердом*, и его расстройство продолжалось. Однажды его *керд* съела бродячая кошка. На следующий день она пришла вновь, и, хотя не успела съесть много до того как ее прогнали, остатки пищи брамин посчитал грязными и выбросил. Тогда он стал привязывать горшок с *кердом* к стропилам крыши. Кошка же взбиралась на стропила и все равно добиралась до *керда*. Как-то вечером брамин лежал с палкой в ожидании кошки, и, как только увидел ее наверху, швырнул в нее палкой, попав ей по плечу.

Когда на следующее утро он пришел в мечеть, он увидел, что Саи Баба, сидя среди учеников, потирает плечо и ворчит: «Сначала болеют оттого, что едят *керд*, а стоит его забрать, как набрасываются с побоями».

Даже в этом случае можно предположить, что Саи Баба управлял действиями кошки, а затем исцелил ее рану, взяв эту рану на себя. Такое бывало часто, мы уже приводили пример исцеления от лихорадки в одной из предыдущих глав. Подобное можно наблюдать и у других Учителей, но у Саи Бабы это принимает зрелищную и даже странную форму. Однажды он пожа-

ловался на ужасную боль в животе и приказал своим последователям обвязать себя тканью и крепко затянуть вокруг. «Сильнее, сильнее! Я не могу этого вынести! Страшная боль!» Потом он вдруг затих. «Хорошо, боли уже нет». Затем обнаружилось, что у одной ученицы были болезненные роды, и она призвала Саи Бабу на помощь.

С уверенностью можно сказать, что он в деталях знал о событиях и обстоятельствах, имевших место далеко от него. Так же определенно было то, что когда бы он ни управлял действиями какого-то человека или сам ни воплощался где-то в теле, принимая участие в событиях, он мог это делать, не входя в состояние транса, то есть не прерывая свою обычную деятельность в Ширди. Он не был подвержен иллюзии того, что он – тело, и поэтому у него не было никаких причин ограничивать себя им, и он мог свободно по своему усмотрению принять другое тело. Об этом могут дискутировать ученые и теоретики, но его последователей не беспокоили эти вопросы, они получали и получают его милость, обладая абсолютной верой в него.



Глава 5

СИМВОЛИЗМ ДЕНЕГ

Святые обычно не просят денег. Духовных целителей, например Гуру, наделяя способностями, также предупреждали о том, что если они будут принимать вознаграждение, то лишатся этих способностей. Многие *садху* отказывались даже дотронуться до денег. Шри Рамакришна так их боялся, что реально чувствовал ожог от прикосновения к ним. Многие люди подозрительно относятся к Гуру, принимающим деньги или даже подарки, делая исключение лишь для таких простых подношений, как фрукты и цветы. В этом, как и в большинстве других своих проявлений, Саи Баба отличался. Он не только принимал деньги, но просил их. Иногда первые его слова, обращенные к посетителю, были требованием *дакшины* (милостыни). Он так-

же часто указывал точную сумму, которая требовалась.

Некоторые люди по этой причине относились к нему с подозрением. Им казалось, что это не приличествует Гуру. Какое можно найти здесь объяснение? Определенно было то, что ему не нужны были деньги, так как он никогда не оставлял их себе. Он поддерживал факиров и других бедных последователей, кормил тех, кто не мог себе позволить пребывания в Ширди, расточал деньги на все, что ни подвернется под руку, но никогда не хранил. Слово «расточал» тоже стоит определить точнее: правда, что он покупал вещи, в которых не было острой необходимости, он часто раздавал деньги направо и налево перед глазами тех, кто был сильно привязан к ним, но это также не означало, что он платил непомерные цены. Напротив, он спорил по поводу цены какого-то куска ткани в истинном духе базарной торговли, хотя мог потом просто подарить торговцу деньги. Сам он продолжал просить милостыню. Он никогда не владел предметами роскоши, не основывал ашрама, не возводил зданий и не приобретал собственность, а когда умер, располагал суммой, достаточной только для того, чтобы оплатить его похороны.

Он рассматривал деньги, как и все прочее, символично, и те, кто давал их ему, закладывали основу собственного благополучия. Он просил деньги не у всех. Однажды он сказал: «Я прошу только у тех, на кого указал Факир, и взамен я должен дать в десять раз больше». Это были его люди, и, принимая подаяние, он брал ответственность за них на себя.

Были случаи, когда он отказывался взять деньги, как, например, с человеком, имевшим дурную репутацию и предложившим ему пятьсот рупий. Он в бешенстве воскликнул: «Мне не нужны твои деньги. Ты держишь служанку в своем доме, так? Дай их ей».

С другой стороны, он мог потребовать деньги, которые были получены незаслуженно. Например, юрист С.Б. Дхумал получил триста рупий гонорара за составление иска от лица некоторых последователей Саи Бабы. Иск тут же удовлетворили, не в силу его участия, но благодаря влиянию Саи Бабы. Когда юрист на следующий раз приехал в Ширди, Саи Баба неоднократно требовал с него *дакшину*, пока не получил точную сумму в триста рупий.

Тот же Дхумал (последователь, взгляды которого изложены в конце второй главы) рассказывает другую историю с *дакшиной*. «Однажды, взяв все мои деньги, Саи Баба попросил меня еще о пятидесяти рупиях. И когда я сказал, что у меня нет больше денег, он приказал мне пойти и попросить кого-то о них. Я так и сделал, но человек, к которому я обратился, отказал мне в этом. Я передал это Саи Бабе, и он послал меня тогда к Рао Бахадуру Сату, который несказанно обрадовался этой просьбе. Я не знал тогда причины этого, но с течением времени выяснилось, что тогда рассматривалось его прошение о пенсии. Он питал некоторые сомнения, должна ли она основываться на зарплате, которую он получал на постоянно занимаемом им в последние годы посту, или будет на пятьдесят рупий выше на основании исполняемых им временных обязанностей. В конечном счете ему назначили пенсию выше, о чем вышло распоряжение в тот самый день, когда Саи Баба попросил его через меня о деньгах. Он тут же интуитивно догадался о значении просьбы как о требовании первых плодов с его пенсии. Вот чему он так обрадовался».

Нередко Саи Баба брал все деньги, что были у человека, а потом посылал его принести еще. Он всегда знал, что делает, это не было просто догадкой. Однажды, например, приехал посетитель с двадцатью рупиями, восемнадцать из которых он отдал на хранение своему другу с тем, чтобы, когда его попросят о деньгах, отдать две рупии, а затем искренне признаться, что больше денег нет. Сначала Саи Баба попросил его две рупии, а затем восемнадцать и, предвкушая его ответ, указал на его друга, сказав: «Можешь взять у него».

Уплата «первых плодов» была частым основанием его требований о деньгах. Такая практика распространена не только в Индии и является символическим освящением новых доходов человека. Как-то раз приехали два брамина, и Саи Баба наказал своему ученику Дешпанду взять с одного из них пятнадцать рупий. Второй сам предложил тридцать пять, но Саи Баба от них отказался. Когда Дешпанд спросил почему, он объяснил: «Я ничего не делаю. Я ничего не получаю. Бог берет свое. Эти пятнадцать рупий должны были быть уплачены, поэтому я их взял, но тридцать пять нам не принадлежат, поэтому должны быть возвращены». Как оказалось, тот

посетитель, что уплатил пятнадцать рупий и в то время получал хорошую зарплату в семьсот рупий в месяц, когда-то начинал с пятнадцати рупий и поклялся, что пожертвует свою первую зарплату одному храму, но так и не отдал деньги, поэтому их потребовали с него сейчас.

Такие невыполненные обещания, а также уплата «первых плодов» были частым основанием его требований. Один последователь, например, ехал в Ширди и встретил другого. Последний дал ему для Саи Бабы кокос и две анны, чтобы купить для него сахар. Покидая Ширди, тот преподнес Бабе кокос, но позабыл о двух аннах. Саи Баба сказал: «Да, ты можешь ехать, но зачем оставлять при себе две анны бедного брамина?»

Этот последователь тут же вспомнил о деньгах и отдал их. Тогда Саи Баба, смеясь, заметил: «Поезжай, но, за что бы ты ни брался, делай это хорошо или совсем не делай».

Возможно, опять требование денег было просто проверкой характера человека. Однажды он попросил пять рупий у *садху* и тот сердито ответил: «Ты просишь *дакшину* у других людей, Баба, но почему ты

просишь о ней меня? Ты знаешь, что у меня нет денег».

«Хорошо, – спокойно продолжал Баба, – Тогда не давай, но не выходи из себя».

Как-то к Саи Бабе приехал богатый, но алчный человек и попросил его даровать ему ви́дение Бога. «Я проделал для этого такой долгий путь. Говорят, что святой из Ширди моментально открывает Бога человеку».

Ви́дение Бога в той форме, которой Ему поклоняются, такой как Рама или Кришна, божественным воплощениям, или Мать Кали, или в любой другой форме – духовный опыт, которому индусы приписывают огромную значимость. В Бхагавад Гите описывается то, как Кришна так даровал Арджуне видение вселяющей благоговейный страх формы Бога, но позже предупредил, что это не конечная истина, что в действительности Он превосходит форму. Такое видение может стимулировать ученика к продвижению, Гуру может даровать его и часто делает это. С другой стороны, оно может быть и своего рода ограничением, так как все формы, в конечном счете, иллюзорны. Это может отвратить человека от поиска Бесформенной Истины. Поэтому Гуру, обучающий прямому и чисто

духовному пути, обычно осуждает такие желания и отказывается их удовлетворить. Таково было отношение Саи Бабы, и те последователи, что желали этих особых видений, были разочарованы. Действительно, несмотря на свое колоритное эксцентричное поведение, Саи Баба никогда не поощрял стремления к опытам сенсуального рода в своих учениках. Он желал их духовного развития, а не наслаждения видениями или силами. Как-то к нему приехал один последователь, который приобрел определенные магические силы от своего предыдущего Гуру, и Саи Баба настоял на том, чтобы он отказался от них. Сам он никогда не наделял своих последователей сверхъестественными способностями. Для того чтобы их правильно использовать, требуется мудрость и полное отсутствие эгоизма.

В следующей истории посетитель приехал с железнодорожной станции на *джетке*, и ему не терпелось получить свой опыт переживания Бога и вернуться назад так, чтобы не платить вознице за ожидание. В кармане у него было двести пятьдесят рупий, и он надеялся, что они там и останутся. Саи Баба принял его с ироничным восторгом. «О да, не волнуйся, ты увидишь

Бога быстро и ясно. В таких вопросах не может быть проволочки. Людей, подобных тебе, стремящихся к просветлению, найти сложно. Большинство приезжающих сюда хотят процветания, здоровья или избавления от какой-то проблемы, хорошей должности, наслаждений и тому подобных мирских обретений. Никто не хочет Бога. Как я истосковался по тем, кто стремится увидеть Бога! Брахмана нужно осознать до смерти, иначе не прекратить цикл рождения и смерти. Только Гуру способен дать осознание Себя, и только он может это сделать».

Затем он внезапно оборвал эту тираду и, позвав мальчика, послал его к местному лавочнику с просьбой срочно одолжить пять рупий. Мальчик должен был принести их незамедлительно назад. До его возвращения Баба, казалось, не желал заниматься посетителем или другими делами. Спустя какое-то время мальчик вернулся и сообщил, что не застал хозяина лавки дома. Баба тогда послал его к другому человеку, а затем еще к одному и еще, и каждый раз безуспешно. Тем временем терпение посетителя все более истощалось, ведь ему предстояло оплатить ожидание возницы. Конечно, он мог избежать этой задер-

жки и сам дать эти пять рупий, но он был не готов это сделать.

«Можете ли Вы помочь мне осознать Брахмана?» – снова взмолился он.

И тогда Саи Баба объяснил ему символизм происходящего. «Но я как раз этим и занят. Разве ты не понял? Мне нужно пять. Необходимо пожертвовать пятью, чтобы достичь Брахмана. Пожертвовать пятью чувствами (органами восприятия) и пятью *пранами*, для этого требуется качество непривязанности к чему бы то ни было. Следовать пути Брахман Джнаны (Божественного Знания) трудно, не всем это под силу. Но, когда сознание пробудится, будет свет. Только тот, кто не привязан как к земному, так и неземному, может обрести Божественное Знание».

Это было ему упреком не только за его жадность (к земному), но также за желание видения (неземного).

Нечто подобное рассказывают о случае, когда Саи Баба снова использовал символизм денег для того, чтобы сделать явной неправомерность просьбы о познании Бога. На этот раз он оборвал разговор, послав кого-то за сотней рупий к местному ростовщику. Тот ответил вежливым отказом. Баба послал и к некоторым другим, но результат

был тот же. В конце концов, Саи Баба обратился за помощью к богатому последователю, и тот, не имея в тот момент денег при себе, написал записку с обещанием вернуть деньги и незамедлительно получил требуемую сумму от того ростовщика, что отказал Саи Бабе.

Озадаченный и возмущенный, этот посетитель позже подошел к одному из постоянных последователей и выразил свое недоумение по поводу того, что Саи Баба настолько озабочен деньгами, что даже забыл о его просьбе. Ученик ответил: «Он дал ответ на вашу просьбу. Должно быть, вы не поняли символизма произошедшего. Когда бедный человек просил денег, они не поступили, но как только за ними обратился Нана Саиб, он тут же их получил. Таким же образом не каждый может рассчитывать на обретение Божественного Знания, сначала он должен накопить богатство духовных заслуг».

Последователи Саи Бабы научились понимать символизм его обращения с деньгами или постигали это интуитивно, но даже они не всегда одобряли его требования денег. Следующая история показывает, как возможны три различных толкования одного и того же действия.

Саи Баба неоднократно просил одного посетителя о *дакшине*, пока не оставил его без копейки. Тогда он попросил еще и послал одолжить деньги у Дешпанда.

Дешпанд объяснил: «Баба хочет не ваших рупий, но ваш ум и сердце, ваше время и преданность вашей души».

Саи Баба одобрительно улыбнулся, когда услышал это объяснение, но послал посетителя вновь, на этот раз к Дикситу. Диксит проинтерпретировал это как атаку на его самомнение, с тем чтобы он не чувствовал себя униженным и вынужденным просить деньги, оставшись совсем на мели.

Саи Баба одобрил и этот ответ, но послал его в третий раз к Нана Саибу Чандоркару. Нана Саиб проявил более других практической смекалки. Он сказал, что обычно приезжал в Ширди с сотней рупий, а другую сотню оставлял в соседнем городе Копергаоне с тем, чтобы послать за ней в случае необходимости, избегая, таким образом, неудобства и унижения безденежья. Этот подход, проповедующий стремление полагаться на свои собственные ресурсы, не понравился Саи Бабе, и он тут же преподал Нане урок. Послав к нему, он потребовал сорок рупий. Не успел Нана

принести эти деньги, как к нему снова послали за следующими сорока рупиями. Нана немедленно отправил кого-то в Копергаон за своим резервным фондом, но до того, как пришли деньги, Баба снова попросил его о *дакшине*, таким образом, вынудив его признать отсутствие денег.

Во многих случаях, однако, символизм был прозрачен и ясен. Одного последователя Баба неоднократно просил о двух рупиях, и когда последний в конце концов спросил его почему, он ответил: «Я хочу не двух монет, но веру и терпение».

В другом случае он попросил четыре рупии, но, когда их ему дали, сказал, что получил только одну.

«Но я дал Вам четыре!» – запротестовал этот последователь.

«Я не отрицаю этого, ты дал четыре, но я получил только одну».

Ученик признался, что не понимает, но Саи Баба только заметил, что он поймет позже. Какое-то время спустя тот же человек ехал поездом, и в вагон зашел молодой факир и попросил милостыню. Он дал ему одну пайсу (четверть анны), но факир попросил четыре. Тогда он дал четыре, но факир сказал, что получил только одну.

Позже он встретил старого *садху*, просившего подаяние, и все повторилось снова: он дал ему монету, но *садху* попросил четыре. В конце концов, до него дошло символическое значение всего этого. Саи Баба просил отдать ему четыре аспекта сознания: *манас* (ум), *буддхи* (интуитивный, духовный разум), *читту* (осознание) и *ахнкару* (чувство эго), но получал только одно – душу, или *дживу*.

Однажды Саи Баба попросил шесть рупий у одной дамы, и, так как у нее не оказалось при себе денег, она обратилась к своему мужу, заметив, насколько неловко себя чувствуешь, когда у тебя просят деньги, а ты не можешь их заплатить. «Не волнуйся, – сказал тот, – Саи Баба хочет не денег. Это шесть грехов, что нужно ему отдать».

Одобрительно улыбаясь его объяснению, Саи Баба снова повторил свою просьбу о шести рупиях, на что дама ответила, что уже отдала их ему. «Тогда смотри, не сбейся с пути», – предупредил он ее.

Символизм такого рода, уплата «первых плодов», осуществление невыполненных клятв, – все это было наиболее частыми причинами для требований Саи Бабой

денег. Но одно можно было утверждать с уверенностью, ему они не были нужны. Никто, как он, не был к ним более равнодушен. Несмотря на это, в последние годы его жизни к нему направлялся огромный поток денег. Говорили, что он равнялся доходу правителя штата. И действительно, власти хотели обложить его подоходным налогом, но это было невозможно, так как к концу дня у Саи Бабы ничего не оставалось. Но власти все же собирали налог с некоторых из его постоянных подопечных, бедных последователей, которым он более-менее регулярно оказывал денежную помощь.



Глава 6

УПАДЕША

Лейтмотивом жизни Учителя является его *упадеша* (или более распространенное «*упадеш*»), т. е. духовное наставление, которое он дает своим ученикам. Эти наставления не имеют отношения к теориям или доктринам, но составляют духовную дисциплину, включающую ритуалы и обряды и невидимое влияние, что способствует продвижению ученика. И, хотя это является центральной темой в жизни Учителя, она может быть не столь очевидной и явной для биографа. В действительности ее могут хранить в секрете, так как она предназначена только тем, кому непосредственно и лично передана, тогда как любое изложение Учителем доктрины, будучи менее действенным и, следовательно, менее рискованным при неправильном применении, открыто

для всех. Последнее может способствовать ошибочному восприятию Духовного Учителя как просто философа, о чем мы уже говорили в первой главе. С Саи Бабой, как уже упоминалось, это невозможно, так как он не писал философских трактатов. Даже устно он редко излагал какие-то теоретические взгляды. Лишь немногие его последователи вспоминают его за этим занятием.

Существует ряд различных духовных путей, и возникает вопрос, какой из них проповедовал Саи Баба. Он мог тут же развенчать йогу и тантру, что казалось странным, так как именно эти пути ведут к развитию сверхъестественных способностей. Однако следует помнить то, о чем говорилось в предыдущей главе: хотя Саи Баба широко использовал свои силы, он не наделял ими своих учеников и не поощрял развития ими особых способностей. В действительности его незаинтересованность в развитии сидх в своих учениках является верным признаком его истинной духовности. Там, где бы ни встречались ученики, стремящиеся к особым силам или приравнивающие их обретение к духовному продвижению, лучше быть осмотрительным по отношению к их Гуру.

Саи Баба даже осуждал *пранаяму,* или контроль дыхания, широко используемый на путях йоги и *тантры*: «Кто бы ни практиковал *пранаяму*, вынужден будет в конечном счете прийти ко мне, чтобы двигаться дальше». Это напоминает нам высшего апологета Адвайты, Бхагавана Рамана Махарши, который рассматривал контроль дыхания только как подготовительное средство для обретения контроля над мыслями для тех, кто не мог добиться этого непосредственно, а также о его утверждении: «В конце концов все люди должны прийти к Аруначале», где под Аруначалой имеется в виду прямой путь *Джнаны*.

Также нужно отметить, что Саи Баба не желал, чтобы его ученики отказывались от мира и становились *саньясинами,* или духовными странниками. Было несколько случаев, где он даже запретил уход в *саньясу*, и, помимо этого, его общий интерес к семейной жизни и проблемам его последователей, к их работе, браку, детям является наглядным свидетельством того, что он желал их развития посредством семейной жизни.

Также нет упоминаний о том, чтобы он предписывал методы *бхакти марги* или *джнана марги*, то есть преданности и Знания.

В действительности он вообще не давал посвящения, или *упадеши*, в традиционном смысле. Некоторые последователи подтверждают это самым недвусмысленным образом. Профессор Нарке говорит: «Саи Баба никогда не давал мне никакой *мантры*, *тантры* или *упадеши* и, насколько я знаю, не давал их никому». Он также рассказывает следующую историю со слов Дешпанда.

Женщина по имени Раднабай Дешмукхин, прислуживавшая Саи Бабе, пожелала *упадеши*. Но, когда он не дал ей никакого наставления, она начала *сатьяграху*, то есть перестала есть и намеревалась голодать до тех пор, пока Саи Баба не даст ей *упадешу*. На четвертый день ее голодовки Дешпанд, посочувствовав ей, пошел и рассказал об этом Саи Бабе. Он умолял его дать ей какое-нибудь имя Бога, чтобы она могла повторять его, занимаясь *джапой* (призывами) или *мантраупадешей*. Тогда Саи Баба послал за ней и сказал, что не имеет обыкновения раздавать *упадеши*, так как он следовал своему Гуру, обладавшему незаурядной силой, чьи методы отличались от традиционных и не включали словесной *упадеши*.

Госпожа Менеджер подтверждает это. «Методы духовного руководства Саи Бабы были необычны. Он не давал ни мантры (священной формулы), ни *упадеши*. Он никогда не говорил о йоге, пранаяме или кундалини. Но когда что-то случалось с теми, кто следовал такой *марге* (пути), и обращался к Саи Бабе за помощью, он всегда ее оказывал».

Несмотря на это, он ясно давал понять своим последователям, что им нет необходимости идти еще куда-нибудь в поисках *упадеши*. Его духовная поддержка была слишком сильна и очевидна. Х.В. Сат сказал: «Баба никогда никому не давал *упадеши* или посвящения, поэтому я и не просил его об этом. Меня несколько раз приглашали обратиться за *упадешей* к кому-то еще. Каждый раз я спрашивал об этом Саи Бабу, и он всегда давал отрицательный ответ». Это очень напоминает Раману Махарши, который тоже не давал *упадеши* или посвящения, как их обычно понимают, однако, когда последователь спрашивал, нужно ли искать их где-то еще, отвечал, что нет.

Чрезвычайная важность этого вопроса становится очевидной, если вспомнить о том, что в индуизме и эзотерическом исламе,

как и в других религиях, считается, что духовное постижение возможно в этой земной жизни (исключения редки) только посредством инициации или *упадеши* того, кто сам постиг Бога. Это можно рассматривать как передачу «тока», или духовное рождение. Для того, кто осознал возможность духовного достижения, жизнь не имеет другой цели. Никакая человеческая цель не может сравниться с той, что превосходит человеческое состояние. Отсюда вытекает особая значимость поиска истинного Гуру и приятия им. Даже не каждый духовный человек может считаться Гуру. За исключением Махарши, родоначальника пути, духовные полномочия должны передаваться по непрерываемой цепи от Гуру к Гуру подобно рукоположению в эзотерическом духовенстве. Тот, кто не является Гуру, может приносить пользу человечеству просто своим существованием, излучая свое влияние, или для него есть другие возможности, но он, конечно, не должен брать на себя ответственность и направлять учеников или удерживать их от обращения к тем, кто проявляет себя в роли Учителей. Если такие авторитеты, как Саи Баба или Махарши, брали на себя подобную ответственность, это означало, что они исполь-

зовали особый незаметный поверхностному взгляду вид *упадеши*, осознавалось ли это последователями или нет. И Саи Баба утверждал однозначно и просто свою ответственность за учеников, свое постоянное внимание к ним и то, что они могут полностью на него положиться. Он сказал: «Я никогда не позволю себе потерять кого бы то ни было из моих людей», а Махарши говорил: «Так же, как добыча, попав в пасть тигра, уже никогда оттуда не выберется, тот, кто заслужил Милость Гуру, не останется без его внимания». Саи Баба также сказал: «Будьте тихими, и я сделаю все остальное», а Махарши произнес те же слова, использовав лишь безличное «Бхагаван» вместо «я». Саи Баба говорил: «Где бы вы ни находились, думайте обо мне, и я пребуду с вами». Снова заверение в том же, только немного другими словами.

Нет сомнений в том, что Саи Баба обладал чрезвычайно значительным влиянием на своих последователей. Многие из них утверждают, что оно пробудило и укрепило их в духовной жизни. И конечно, он сражался за них. Он также практиковал наложение рук. «Баба имел обыкновение дотрагиваться до головы пришедшего к нему последователя... Его прикосновение

передавало определенный импульс, силу, идею. Иногда он с силой прижимал руку к голове ученика, как будто хотел раздавить какие-то его низкие побуждения. Иногда он мог слегка похлопать по голове или провести рукой над нею. Каждое такое действие производило свой эффект, вызывая заметную перемену в чувствах и ощущениях его последователя».

Саи Баба, по сути, учил своих учеников поиску Бога через преданность Гуру. Как вы помните, мы упоминали в первой главе о том, что он сам следовал этому методу, и именно его предписывал своим последователям. То, что это носило характер *упадеши*, становится очевидным также из его ссылок на стих из Бхагавад Гиты, цитировавшийся в первой главе, где говорится о полном вверении тела, ума, души и имущества как о необходимом условии для достижения Самопознания. Профессор Нарке резюмирует это следующим образом: «Послушание, служение и любовь к Богу являются основными чертами *бхакти марги*. Словами и примером Саи Баба особо подчеркивал значимость такой преданности на основе преданности Гуру. Она означает ви́дение Бога в Гуру, через него, Его как Гуру, полное отождествление Гуру с Богом».

Такой метод является общепризнанным и традиционным. Здесь снова можно припомнить Махарши, который сказал: «Бог, Гуру и Высшее “Я”, по сути, неотличимы, они есть одно и то же». Однако он пояснил это тем, что внешний Гуру служит только пробуждению Гуру внутри, в сердце ученика. Мы можем убедиться в том, что «внутренний Гуру» равнозначен христианской концепции «Христа в вас». Саи Баба объяснял меньше, но есть также упоминание о том, что он подчеркивал значимость внутреннего Гуру, когда сказал нечто, внешне противоречащее его учению: «Нет необходимости иметь Гуру. Все внутри нас. То, что вы сеете, то вы и пожнете. То, что даете, то и получите». Значение этого заключается в относительной важности внешнего Гуру, когда осознается внутренний Гуру. Он продолжил еще более определенно: «Все в вас. Пытайтесь прислушиваться к тому, что внутри, и следуйте этому внутреннему руководству». Однако здесь важно заметить, что он говорил так не всем, такая практика представляет реальную опасность, пока последователь не достаточно чист и развит настолько, чтобы следовать внутреннему Гуру, так как в поток сознания могут проникнуть всевозможные эгоистичные побуждения и

предстать под видом внутреннего духовного руководства. Именно поэтому обычно требуется внешний Гуру.

В основном учение Саи Бабы состояло просто в преданности Гуру и полном вверении себя ему. Очень действенный метод, но применять его безопасно может только совершенный Гуру, у которого нет и следа эго, иначе этот метод очень рискован. Саи Баба мало теоретизировал на эту тему, как, впрочем, и вообще. Следующая история хорошо освещает этот вопрос.

Один последователь остановился в доме Айи, постоянно проживающей в Ширди женщины-ученицы, к которой Саи Баба часто направлял приезжих. Он рассказывает: «Мы сошлись с ней на том, что *джапа* (повторение имени Бога) было самым лучшим методом для нас. Тогда встал вопрос, какое имя лучше использовать. Она сказала, что многие используют имя Виттала или Рамы, но что касается ее, то ее Богом является Саи, и это имя ей вполне подходит. Я заметил, что то, что хорошо для нее, хорошо и для меня, и что я тоже возьму имя Саи. Итак, мы сели друг напротив друга и повторяли это имя вместе на протяжении приблизительно часа. Позже в тот день за мной послал Саи Баба, он

спросил меня, чем я занимался в то утро. «*Джапой*», – ответил я. «Какого имени?» – спросил он. «Моего Бога». – «Кто твой Бог?» – спросил он далее. Я просто ответил: «Ты знаешь», и он улыбнулся и сказал: «Хорошо». Итак, он явно одобрил *джапу* с использованием его имени и, возможно, скрыто подсказал медитацией Айи».

В равной степени важным представляется в этой истории то, что повторение имени Саи Бабы было им одобрено и одобрено не публично, но втайне от других. Его положение уже отличалось необычностью в связи с ритуальным поклонением, что совершали индусы и осуждали мусульмане. Также не менее значимым было отличие между теми индусами, что следовали духовному пути преданности Богу, проявленному как Гуру, и теми многочисленными последователями, что просто принимали духовные и материальные блага, исходящие от присутствия святого.

Тип *садханы,* или духовного пути, посредством полного вверения себя Гуру хорошо резюмирует профессор Нарке.

«В соответствии с традицией Саи Бабы последователь или преданный, пришедший к стопам Гуру и полностью вверивший себя ему, должен быть, без сомнения, чист,

5*

добродетелен и честен, но ему нет необходимости продолжать активную практику *джапы* или медитации. Напротив, любая такая практика или любой интеллектуальный процесс, подразумевающий постулат «я это делаю», является препятствием. Последователю необходимо избавиться от любого чувства *аханкары* или эго, вычеркнуть его из памяти и ума, так как оно представляет собой помеху работе Гуру. Гуру не учит, он излучает влияние. Та душа, что полностью вверила себя, стерла свое «я», но которой еще мешает умственная активность, привычка верить в собственные силы, любое проявление самоутверждения, сознания себя отдельной личностью, впитывает это влияние себе на благо.

Все наблюдательные посетители Саи Бабы, должно быть, отметили эту великую истину. Он сам иногда говорил своим последователям: «Пребывайте со мной и в тишине. Я сделаю все остальное», – то есть незаметно, внутренне...

Итак, долг любого последователя или ученика прежде всего состоит в том, чтобы быть добродетельным, чистым, простым и честным, для того чтобы быть готовым воспринять Милость Гуру, а во-вторых, иметь полную веру в любимого Учителя, в то, что

он проведет его через все более и более высокие переживания к конечной цели, какова бы она ни была. Правильным отношением для него на данный момент будет: «Я доволен каждым шагом». Его не должны заботить сложные метафизические или философские вопросы по поводу конечной его судьбы. Пока он еще не готов их решить. Гуру поднимет его на должный уровень, наделит высшими силами, глубоким знанием и постепенно растущим осознанием Истины. И благодаря Гуру цель, безусловно, будет достигнута.

Я никогда не слышал всего этого как целостного заявления от Саи Бабы мне или другим в моем присутствии, но различные моменты, что я отметил в его общении с людьми, его сделанные по случаю замечания приобретают данный смысл».

Это замечательное резюме *упадеши* Саи Бабы и, возможно, вполне естественно то, что его последователь придал ему универсальный характер, как будто оно применимо во всех случаях. Но, конечно, это не так. Медитация не обязательно подразумевает постулат «я это делаю», то есть рассмотрение себя действующим. Особенно этого не предполагает метод исследования «кто я?» по Махарши, он исследует вопрос, кто это

делает. Также предвидение конечной цели не предполагает сложных метафизических или философских проблем, цель представляет собой просто Адвайту (недвойственность), Единство с Абсолютом, и Махарши, например, требовал от своих последователей осознания этого с самого начала. Также не обязательно соответствует истине то, что Гуру наделяет последователя сверхсилами, глубоким знанием и постепенным осознанием истины, этот процесс может быть сокрыт вплоть до окончательного самопознания.

Важно также отметить, что состояние восприимчивости к влиянию Гуру в совершенной чистоте и честности, «пребывание тихим» с тем, чтобы он мог «сделать все остальное», совсем не простая задача. В действительности это представляет наиболее сложное задание для ума, и целью медитации и повторения имени Бога, вероятно, является как раз достижение и поддержание этой чистоты и тишины ума.

Тех, кто не привык к такого рода учению, может насторожить то, что такое важное значение придается пассивности, инертности, они могут посчитать это опасным, ведущим к выхолащиванию духовности, духовной слабости, но это не так. Пассив-

ность в отношении зла или эго опасна. Пассивность в отношении органов чувств и чувственных побуждений приводит к постепенной дезинтеграции характера, личности. Пассивность (несопротивление) к Истине и духовному влиянию дает целостность и силу. Вот поэтому мы наблюдаем, как святой, что более всех других людей подчинился Божественной Воле и в ком эго довлеет меньше всего, в то же время обладает наибольшим влиянием, силой характера, личности, так как пожертвовал ею. Пассивность (восприимчивость, несопротивление) к Богу делает человека активным и сильным в отношении мира. Пассивность же к эго вызывает неприятие Бога, «бунтарство» против Него. Именно поэтому на ранних стадиях вверение себя, смирение представляется очень сложным.

Тремя широко известными учителями нашего времени были Шри Рамакришна Парамахамса, Саи Баба и Бхагаван Рамана Махарши. Шри Рамакришна учил в Белюре недалеко от Калькутты незадолго до того, как Саи Баба обосновался в Ширди, и, когда Саи Баба умер, Махарши уже имел своих последователей на горе Аруначале на юге Индии. Мы не найдем лучшего примера величайшего различия в характерах

и способностях этих Учителей, и все трое обладали огромной силой, влиянием и были в высшей степени «пассивны» (восприимчивы) к Божественной Воле.

Мы уже неоднократно обращали внимание на сходство путей, что проложили Саи Баба и Махарши. Есть здесь сходство и с Рамакришной, и, учитывая различия в их темпераментах, о чем уже упоминалось ранее, это можно объяснить только тем, что Учителя признавали определенные методы как наиболее соответствующие тому времени, в котором мы живем. Поэтому чрезвычайно важно рассмотреть их.

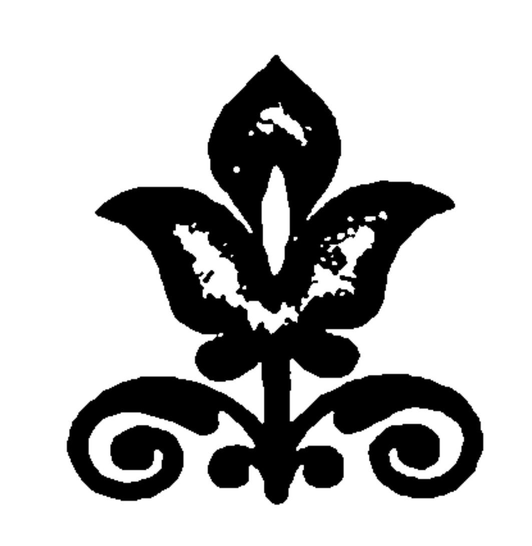
Прежде всего, все трое придавали одинаковую значимость всем религиям. Ранее, когда влияние религии ограничивалось тем или иным приходом, паствой, это не было столь существенным. «Средний» христианин не имел понятия о буддизме, а «средний» буддист о христианстве. Но со становлением всемирной цивилизации материалисты и рационалисты начали указывать на различия между религиями как на обоснование их ошибочности, произведенной руками человека. И так как человечество в общем получило представление о различных религиях, это было опасным аргументом. Поверхностные поборники

какой-либо религии, отрицающие все остальные, играли на руку противникам религиозности, утверждающим, что каждая религия провозглашает свою, противоречащую другим представлениям истину. Только те, кто достиг истинного осознания, могли прозреть, что Истина Едина и существуют лишь различные способы ее выражения. Достигнув осознания через индуизм, Рамакришна снова стал практиковать духовность, сначала через ислам, а затем христианство. Он провозгласил, что оба пути привели его к той же цели. Саи Баба, как мы видели, следовал и исламу и индуизму и направлял учеников по обоим путям, призывая каждого к осознанию ценности другого пути. Рамана Махарши превосходил все религии, находясь на вершине, где все они сходятся, в центре, откуда они все исходят. Среди его последователей были христиане, мусульмане, евреи, буддисты, парсы, также как индусы, и он никогда не требовал, чтобы кто бы то ни было сменил свою религию на другую.

Возможно, важно принять во внимание то, что путь, удовлетворяющий современного человека, должен быть незаметным, неотягощенным ритуалами, таким, что

можно практиковать в условиях современной жизни, как на работе, так и в уединении. Множеству искренних учеников приходится вести деловую и профессиональную деятельность, не имея возможности соблюдать различные ритуалы, они вынуждены практиковать свой путь, не привлекая внимания своих коллег, подчиняясь современным социальным условиям. И это тоже необходимо учесть. Мы склонны думать о последователях Рамакришны как об одетых в оранжевые одеяния свами, но не следует забывать, что Миссия Рамакришны, к которой эти свами принадлежат, была основана после его смерти. При жизни он часто отказывал своим последователям в разрешении покинуть этот мир ради *саньясы*, как, например, в случае с Дургачараном Нагом, чья биография была опубликована в «Рамакришна Матх» в Мадрасе, где он рассматривается как святой. Мы уже видели из фактов, приведенных в этой книге, как Саи Баба поощрял семейную жизнь. Среди его последователей были и факиры, и *садху*, но те семейные люди, что пришли к нему, оставались таковыми и далее. Махарши также постоянно отказывал своим последователям в просьбах ухода от мира и принятия *саньясы*.

Вопрос заключается не только в том, чтобы оставаться семьянином, но также в простоте и, по сути, незаметности практики духовного пути. Метод самопознания, которому обучал Махарши, не требует никаких внешних ритуалов, его практикуют внутренне. Саи Баба, как мы уже рассказывали, не предписывал никаких ритуалов или мантр. Методы Шри Рамакришны тоже не отличались обрядовой сложностью. Во всех трех случаях усилия по самопознанию прилагались через поклонение Гуру. И для большинства их последователей это представлялось самым важным. «Будьте тихими, и я сделаю все остальное». Здесь действует громадная сила Гуру, и все, что требуется от ученика, – это не препятствовать ее работе.



Глава 7

СМЕРТЬ И ВЕЧНОЕ ПРИСУТСТВИЕ

Еще в 1886 году состоялась «репетиция» смерти Саи Бабы. Он заявил Махасалпати, ученику, что постоянно жил в Ширди и спал рядом с ним в мечети: «Я уйду к Аллаху. Заботься об этом теле в течение трех дней. Если я вернусь, я позабочусь о нем сам. Если нет, похорони его на пустыре вон там и установи два столба, чтобы отметить это место».

Его дыхание и пульс прекратились, сердце перестало биться. Гражданские власти осмотрели тело и установили факт смерти. Они приказали Махасалпати похоронить или кремировать тело в соответствие с законом, по которому полагается хранить тело не более суток. Махасалпати, конечно, отказался это сделать. На третий день дыхание возобновилось, и можно было

видеть движения грудной клетки. Затем Саи Баба открыл глаза и вернулся к жизни.

После этого, точнее с 1900 года, слава о нем стала широко расти. С 1910 года вплоть до его смерти в 1918 году не прекращался поток посетителей из Бомбея и других городов. Они навязывали ему помпезные церемонии, которых он не желал: процессии с лошадями и слонами, серебряные колесницы, воскурение благовоний и воспевание. Во время таких процессий его обильно украшали драгоценностями. С ним обращались как с Махараджей или статуей Бога. Ему все это не нравилось, но отказать им было невозможно. Однако он по-прежнему продолжал ходить и просить пищу. Его здоровье постепенно ухудшалось. Он мучался от сильных приступов астмы. Его забота об учениках была нескончаемой, так как Гуру принимает ношу их проблем на себя, что проявляется даже физически через исцеления.

В день Виджайя Дасами в 1916 году он испытал припадок безумия. Сорвав с себя одежду, он два часа бродил голым, выкрикивая, что это был момент «преодоления барьеров». В тот же самый день двумя годами позже, 15 октября по западному календарю, он скончался.

Перед уходом он отослал некоторых последователей, намеревавшихся остаться, обратно в Бомбей и задержал других, что должны были ехать. Он попрощался с одним учеником, что регулярно посещал его раз в две недели и велел ему больше не приезжать. Но, казалось, никто не замечал, что кроется за его действиями. Одному мусульманскому святому он передал слова: «Аллах забирает свет, что зажег», и святой со слезами выслушал это известие. Он дал двести рупий для того, чтобы накормить факиров, и они сидели, распевая молитвы и читая Коран. Это было во время индуистского праздника Дасары, и перед ним читали Рама Виджайю.

Баба проболел несколько дней, но те, кто окружали его, не осознавали, что это его кончина. Около полудня он сел на постели и дал сначала пять, а потом еще четыре рупии брамину, что обычно получал четыре рупии в день для приготовления еды (так как та пища, которую он собирал от подаяний, была часто сырой и позже ее готовили в мечети). Тех, кто был при нем, он отослал обедать. С ним осталось двое браминов. Один из них рассказывал: «В свой последний день Баба отдал мне свои последние распоряжения. Отослав

Диксита, он сказал, что должно быть сделано, предупредив, что если я поделюсь этим с кем-то, то поплачусь жизнью. Затем он добавил: «Я ухожу. Отнесите меня в *ваду*, при мне должны находиться только брамины». С этими словами он испустил дух. После того, как он произнес эти слова, Нана Нимонкар налил воды ему в рот, но она вытекла обратно. Я подставил руку ему под подбородок, чтобы поймать воду. Баба скончался у меня на плече».

Саи Баба использовал здесь слово «брамин» в его истинном значении – «духовно устремленного человека», так же, как и в случае, когда он, например, сказал: «Это мечеть браминов». Под *вадой* имелось в виду здание, где его должны были похоронить, большой каменный дом, построенный Бапу Сахебом Бути. Несколькими годами ранее Саи Баба явился во сне ему и Дешпанду в одну и ту же ночь, изъявив желание, чтобы первый построил дом. Когда Бути спросил его разрешения на это, он согласился, но сказал: «Когда храм будет построен, мы будем в нем жить». Так как Саи Бабы не было более в живых физически в Ширди, Бути не желал, чтобы кто-то занял только что построенное здание, поэтому

оно использовалось, как ему и было предназначено, в качестве усыпальницы.

Несмотря на волю, выраженную Саи Бабой по поводу своего захоронения, мусульманские последователи рассматривали его представителем своей веры и считали, что его следует похоронить в специально построенном ими для этого здании. Поэтому местные власти составили две петиции для сбора подписей в пользу той или этой стороны, и так как число тех, что выступали за похороны в *ваде* вдвое превысило остальных, то поступили соответственно. Было также оговорено, что как *вада*, так и мечеть, будут открыты для доступа паломников всех вероисповеданий.

Огонь, который Саи Баба поддерживал все время, горит в мечети и сейчас, его только огородили перилами. Священный пепел раздают, как и прежде, всем желающим. Были также установлены перила на входе с восточной стороны мечети. Саи Баба любил курить табак из глиняных трубок, они быстро выходили из строя и сотнями лежали на полу мечети и во дворе, когда он умер. Большую их часть разобрали последователи в качестве реликвий, а оставшиеся собрали и зацементировали в форме куба, что хранится вместе с горшком для

воды и кувшином из скорлупы кокоса, которые он использовал.

Чавади, или постоялый двор, где Саи Баба проводил каждую вторую ночь на протяжении большей части своей жизни, невзрачное глиняное строение, наподобие того, что сначала представляла собой мечеть, наполовину обвалился в 1916 году и был заново отстроен из кирпича. Здесь находится большой портрет Саи Бабы.

Может возникнуть вопрос, почему индуистские последователи Саи Бабы похоронили, а не кремировали тело. В действительности, по традиции тело просветленного человека не подлежит кремации. Он уже прошел через огонь, нет необходимости делать это символически после смерти.

В его смерти и похоронах было нечто иллюзорное, так как все знали, что Саи Баба не умер. Одновременно с приготовлениями к смерти он готовился и к вечной жизни. Приблизительно за две недели, когда никто не подозревал, что близится его смерть, он приказал Пурандхару и Дикситу поехать в Бомбей, сказав им: «Я отправлюсь первым, а вы можете следовать за мной. Моя могила заговорит. Мой прах даст вам ответы». Это должно было послужить достаточным предупреждением, но не стоит

забывать, что последователи Саи Бабы привыкли к его странным замечаниям.

Одна женщина как-то сказала Саи Бабе, что полностью зависит от него в плане руководства и утешения и будет чувствовать себя брошенной на произвол судьбы. Она спросила, что ей делать, когда его не станет. Он категорично ответил: «Где бы и когда бы ты ни подумала обо мне, я пребуду с тобой».

Снова здесь можно провести параллель с Бхагаваном Рамана Махарши. С приближением его смерти некоторые его последователи обратились к нему с тем же, и он немногословно ответил: «Вы придаете слишком много значения этому телу». Очевидно, что здесь подразумевается то же самое.

Руководство Саи Бабы своими последователями, его ответы на их молитвы и защита в трудное для них время нисколько не изменились. Действительно, его влияние столь велико, что в описаниях опыта переживаний его учеников нет никакого разделения на то, что было до и после 1918 года, те же события имели место и после его ухода. И, конечно, с большинством последователей, что можно встретить сегодня, все случаи его участия в их судьбе происходили после 1918 года. Он, как и раньше, приходит к ним во снах и видениях.

Они обращаются к нему и получают ответы и защиту. Когда они не знают, как им следует поступить, то записывают различные варианты на отдельных листах бумаги с молитвой о его руководстве помещают их под его портретом, а затем принимают то, что вытянут, как его указания. Его руководство и влияние на них невидимо. Он сказал, что никто из его преданных не будет нуждаться в пище и крове, и так и оказалось. Люди обращаются к нему в горе и находят утешение. А на более глубинном уровне, помимо этой милостивой помощи в бурном водовороте жизни, духовный ток постепенно ведет их к более глубоким и менее осязаемым наградам.

Один последователь вспоминает свой визит в 1927 году к другому святому, Нарайану Махарадже, которого он воспринимал как Саи Бабу, только в другой форме, по-прежнему испытывая глубокую привязанность к Саи Бабе и страстно желая утешения от видения человеческого присутствия и вербального руководства. Он ничего не упомянул об этом, но святой сказал ему: «Твой Гуру – наивысшего порядка, выше, чем я. Зачем ты приехал сюда? Ты сделал прекрасный выбор, иди к нему, и ты достигнешь цели».

Другой последователь рассказывает о том, как его ребенок заболел пневмонией в 1934 году, и, кроме того, у него открылся абсцесс на груди. «Врач побоялся оперировать абсцесс из-за его слабого состояния. А рана была глубокой и открытой. Так как врач не мог мне помочь, я обратился к собственному доктору, Саи Бабе, и насыпал в рану немного его *удхи* (священного пепла). Помощник подоходного инспектора, В.Р.М. Джадхав, спросил меня, уверен ли я, что это возымеет действие, и сколько времени понадобится на исцеление. Я ответил: «Сутки». Ночью ко мне явился во сне Саи Баба и упрекнул меня: «Ты должен был сказать, что моментально». Во сне я извинился перед ним, а когда проснулся на следующее утро, раны как не бывало. Джадхав, удивившись, попросил меня дать ему немного *удхи* Саи Бабы для его собственного четырехлетнего сына, что слег с пневмонией. Это был уже шестой день с начала лихорадки, когда я дал ему *удхи*, и на следующий день температура спала, хотя врач говорил, что должно пройти еще три дня».

Того же ребенка, что исцелился от абсцесса, Саи Баба уже однажды спас. Этому малышу было в то время два года. Он упал

с лестницы, в конце которой лежал всякий лом. Отец в тревоге подбежал к нему. К его удивлению, он обнаружил, что ребенок совсем не пострадал. «Все в порядке, – сказал малыш, – Баба поддержал меня».

Это все старые истории. Те, что рассказывают сегодня, в основном можно слышать от тех последователей, что родились после 1918 года, но их рассказы такие же живые, а помощь Саи Бабы не менее действенна. Никто не высказался на эту тему более ясно, чем сам Саи Баба.

«Мое действие будет таким же активным и энергичным даже после того, как я оставлю это бренное тело».

«Моя усыпальница будет благословлять моих последователей и удовлетворять их нужды».

«Мои останки будут говорить из могилы».

«Я вечно живу, чтобы помочь тем, кто приходит ко мне, вверились мне и ищут прибежища во мне».

«Если вы отдадите мне свою ношу, я понесу ее».

«Если вам нужна будет моя помощь или руководство, я их сразу вам дам».

Он сказал: «Мой последователь не будет ни в чем нуждаться».

Так его помощь была всегда действенной и своевременной, число его последователей столь же многочисленно и сейчас, как и при его жизни. Но не нужно забывать и о другом его заявлении: «Я даю людям то, что они хотят, в надежде, что они пожелают то, что Я хочу им дать».

ВЕЧНОЕ ПРИСУТСТВИЕ

Во время нашего пребывания в Калькутте, где-то в 1960 году, квартиру по соседству занимала пожилая дама, очень благочестивая госпожа Даттон. Когда мы познакомились с ней поближе, она рассказала мне, что была монахиней и лучшие годы своей жизни провела в монастыре. Она была довольно импульсивной, что свойственно брюнеткам, и ей докучала дисциплина монастыря, это приводило к конфликтам и всякого рода неприятностям. Короче говоря, она совсем не уживалась с другими монахинями. В конце концов, она почувствовала, что так не может больше продолжаться. С помощью настоятельницы она обратилась к Папе за освобождением от обета, и ее просьба довольно скоро была удовлетворена. Пока ее прошение рассматривалось, она была слишком озабочена текущими конфликтами, чтобы подумать о

своем будущем. Когда подошло время покинуть монастырь, ее вдруг осенило, насколько бесперспективным будет ее положение. Она была уже старше среднего возраста, без профессии и практически без родственников. Единственным близким ей человеком был ее племянник из далекой Калькутты. Однажды, когда она сидела в своей келье, погруженная в эти мрачные раздумья, перед нею появился факир. Как он там оказался, она не могла сказать, так как мусульманскому факиру проникнуть в келью монахини не представлялось никакой возможности. Он сострадательно посмотрел на нее и проговорил: «Не волнуйся так сильно, в Калькутте с тобой все будет в порядке». Затем он попросил ее о *дакшине* (денежном подношении святому человеку). Она ответила, что у нее нет денег. «О, у тебя есть тридцать пять рупий в коробке, вот здесь, в шкафу», – сказал он. «И знаете, – продолжила она, – Я совсем забыла об этих деньгах». Она направилась к шкафу, чтобы их достать, и действительно нашла их, но когда обернулась, факира уже не было. Он исчез так же, как появился. Она больше не волновалась.

В Калькутте племянник встретил ее очень гостеприимно и присматривал за ней

с любовью и вниманием, распространявшимися даже на ее домашних животных. Должно быть, он заботится о ней по сей день. Госпожа Диттон не могла нарадоваться и была столь благодарна, что каждый день ходила на рассвете в церковь на мессу, чтобы вознести хвалу Богу. Такой вид дисциплины ей, кажется, нравился.

«Я покажу Вам фотографию вашего факира», – сказал я ей, не сомневаясь в том, что это мог быть только удивительный Саи Баба. К счастью, у меня была в квартире его фотография, и я принес ее пожилой даме, которая, как только ее увидела, в удивлении воскликнула: «Это мой факир. У него даже был тот же белый платок на голове». Она никогда ранее не слышала о Саи Бабе.



ОГЛАВЛЕНИЕ